

87.1
Д 507

**РАССКАЗЫ МАЙОРА
РАМОНА ДИЭСТРО**

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ • 1937

027.1
507

РАССКАЗЫ МАЙОРА РАМОНА ДИЭСТРО

Записаны
А. ЛАЗЕВНИКОВЫМ

221246

104

КНИГООБРАТНОСТЬ
ОБЛ. П. ПОТЕНИ
г. СТАВРОПОЛЬСКОЕ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО
СОЮЗА МОЛОДЕЖИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1967 ЛЕНИНГРАД

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТРОЕ ИЗ ШКОЛЫ САН-ИСИДРО	8
ОГОНЬ, ДРУЗЬЯ!	10
«ЭРМАНОС, ИО ЭСТА РОХО»	20
РАССТРЕЛ ПРЕДАТЕЛЯ	29
«ПАККО»	20
МОЙ ПЕРВЫЙ ПЛРНЫЙ	49
ГОСПИТАЛЬ «ОФТАЛЬМИКО»	56
ВЗЯТИЕ СЕРРА КАРТАХЕНА	67
БАТАЛЬОН ФЕРНАНДО ДЕ РОССА	74
ГРАНАТОМЕТЧИКИ ИДУТ В БОЙ	83
СУДЬБА ДРУЗЕЙ	92

*На фронте воспроизведены плакаты
республиканской Испании.*

*Для обложки использован рисунок испанского
революционного художника МОНТЕОНА*

Ответств. редактор М. ЧАЧКО. Худож. редактор П. СУБОРОВ. Техн. редактор П. БЕРКЕР.
Корректоры: А. БАЛЛАИ и С. ЛИБОВА. Сдано в производство 19.VII 1937 г. Подписано
к печати 28.IX 1937 г. Листов 24 1455. Индекс М-7. Формат 82x94/16 в 64-х частях.
Уч. лн. в. 6,65. Уплатилось Главлитом П-29871. Тираж 50 000. Заказ № 784.

Цена 1 р. 56 к. Переплет 1 р. 25 к.

Физико-математический институт Академии наук СССР, Москва, Суворовский пер., 49

ТРОЕ ИЗ ШКОЛЫ САН-ИСИДРО

В первый после каникул день со строгой торжественностью произносятся многообещающие слова присяги:

«Клянемся никогда не оставаться на второй год, вместе кончить школу Сан-Исидоро и поступить на один факультет — на какой, мы еще не знаем».

Мы это говорим громко и храбро, только у Франциско Уренья тревожно блещат глаза. Прекрасные чувства овладевают нами в эти минуты коллективной клятвы, и мы с Луисом Дельбалеом утешительно и торопливо обещаем розовому и круглолицему Франциско:

— Честное слово, ты не останешься.

Он что-то бормочет, а потом решительно останавливает наш поток жалостливых слов и обещаний:

— Если присягал не оставаться, значит, и не останусь.

...Как много времени прошло со дня этой клятвы трех четырнадцатилетних школьников Сан-Исидоро! Теперь нам всем по двадцать два года. Избрав разные профессии, студенты трех факультетов — медицинского, архитектурного и правового, — мы, смеясь, вспоминали о торжественном нашем уговоре. Многочисленные корпуса и аудитории Мадридского университета не могли нас разъединить. И если нам и не нужно было слушать одних и тех же профессоров, то для некоторых ораторов у нас всегда находилось время, потому что у будущих врача, архитектора и юриста были общие враги и одинаковые цели. Мы хорошо дружили, и наши голоса разделялись только на стадионах. Здесь мы не уступали друг другу, враждовали и задолго до окончания матча, сильно разругавшись, сидели в разных рядах. Наш Франциско — посредственный игрок, страшно азартный на трибунах и очень трусливый на поле, — не допускал и мысли, что кто-нибудь может лучше его предугадать исход игры и рассказать наибольшее количество забавных историй о любом футболисте ведущей команды Испании. Он так увлекался футболом,

что Дельбаль обещал вскоре запатентовать свое первое изобретение — «спасительную вакцину для души и ума перпетуум-второкурсника Франциско Уренья».

Мы никогда больше не заключали договоров и не присягали с детской торжественностью единству жизненных призваний. Дельбаль уже на последнем курсе и через несколько месяцев будет хирургом, и я даю моих новых друга по объединенному союзу молодежи — Дорелио Ромео и Диего де Месса — кончили краткосрочные дипломатические курсы и будем работать в представительствах народной Испании, а Франциско пока бомбардирует из Каталонии своих родных и друзей утешительными телеграммами о выходе его футбольной команды 19 июля в полуфинал. В этот день у нас торжественный выпуск курсов первых дипломатов-республиканцев. 21-го мы покидаем Испанию. В ЦК союза молодежи нам весело и шумно желают удачи в далеких странах, куда мы едем.

— В гости к трем монархам, — смеются товарищи из ЦК

Всем нам выпали государства, где восседают короли, и над нашей тройкой подшучивают здесь без конца. Длинны списки прощальных визитов. Из ЦК — в спортивный союз и команду регбистов, с которой я расстаюсь с сожалением, потом к профессорам по факультету — моим преподавателям, дальше — университетский театр «Ла Баррака», где я писал декорации, работал осветителем, играл и с трепетом увозил в деревню Сорно мою первую постановку «Фуэнтэ Обехуно» Лопе де Вега...

Но не все визиты на сегодня, ведь есть еще и завтрашний день.

Наступило знойное и душное 18 июля. Мадридцы, волнуясь, слушают ораторов и радио, набрасываются на экстренные выпуски газет и не верит страшной для них неожиданности: свершившемуся мятежу. Всю ночь с моим братом Альберто и друзьями по союзу объединенной социалистической молодежи мы бродим по улицам. Трудящиеся Мадрида — в поисках оружия. В казармах Ла Монтанья засело четырнадцать тысяч солдат. Они послушны мятежным офицерам и готовы с возвышенности, на которой расположены казармы, обстрелять столицу. В длинной очереди у Мадридского комитета союза молодежи мы ждем давно обещанного грузовика с винтовками.

— В шесть утра начнется штурм Ла Монтанья. Неужели не приедут? — в который уже раз напоминает чей-то голос.

Горячо и взволнованно мы говорим о революционном долге, который каждый из нас мечтает совершить. Сейчас, как никогда, нам ясна цель, это — взятие мятежных казарм. И при слове «Ла Монтанья» мы дрожим от гнева и кричим:

— Пусть наконец скажет кто-нибудь, будет ли оружие?

— В семь нам не нужны уже винтовки...

Брат подходит ко мне и, проклиная нашу беспомощность, говорит, указывая на очередь:

Из окон ближайших домов вооруженные трудящиеся Мадрида стреляли по казарме Ла Монтанья, где заперто четырнадцать тысяч взбунтовавшихся солдат.

— Мы можем пробыть на этой привязи, пока не уйдем сами, а уйти нужно сейчас. — И он успокоительно шепчет мне: — Есть более верный адрес.

Мы отираемся туда, где правительство народного фронта вооружает народ. Мы бежим, чтобы не опоздать. Капитан артиллерии, верный республиканец Видадь, помогает нам получить винтовки, и, вооруженный, я, должно быть, выгляжу несколько необычно среди мадридцев, готовившихся к штурму Ла Мон-

татья, — на мне лучший мой костюм, в котором и вышел из дому, направляясь на торжественный выпуск дипломатических курсов. Уже почти сутки, как мы не были с Альберто дома, и друзья потешаются над неожиданным превращением «дипломата» в бойца и обещают произнести несостоявшиеся речи на несостоявшемся выпуске в актовом гвардейском зале казарм после взятия Ла Монтанья.

Скоро шесть часов. У казарм тихо. Идет подсчет сил перед штурмом. В наших руках всего две тысячи винтовок против четырнадцать тысяч, которыми вооружены взбунтовавшиеся части, превратившие казармы в крепость. И все-таки мы предлагаем засевшим в Ла Монтанья сдать. Они отвечают нам кратко и горячо — ружейным залпом.

— Уничтожить мятежников! — властно требует разъяренная толпа.

Капитан Видадь и его отец — полковник — командуют нашей артиллерией. У осаждающих всего три орудия, но и этой единственной батарее достаточно, чтобы заставить замолчать предателей.

Четыре часа длится бой. Мы врываемся в казармы, и целые толпы мадридцев заполняют коридоры и бесчисленные комнаты корпусов Ла Монтанья. Народ завоевывает себе оружие, и, когда все эти трофеи складываются во дворе, капитан Видадь, раненый в ногу, но не обращающий на это внимания, выкрикивает весело и звонко, складывая рупором ладони:

— Требуется математик! Республика ищет математика с высшим образованием, — и он комично указывает на растущие горы захваченного оружия, требующего точного подсчета.

В двенадцать часов дня мы возвращаемся домой. Братьев-победителей встречают с плачем мать и две сестры. Альберто — специалист утешать.

— Агитатор, — подмигиваю я ему, — пора начинать, а то мы рискуем утонуть в этом потоке слез.

Альберто обнимает мать и из-за ее спины грозит сестрам.

— Дано вам слово, — начинает Альберто, — что умереть — это совсем не так легко, как вам кажется, и даже удостоиться раны было почти невозможно. — И он звонко хохочет. — Мирное население, — говорит он укоризненно, — разве так встречают бойцов? Сколько книг вы перечитали на эту тему и не знаете, что после битвы необходимо покушать.

Это звучит сигналом к шумному приготовлению к столу, и мать торопаясь утирает слезы с добрых своих глаз.

Мы чудесно выпались и в десять вечера собирались выйти из дому. В то время как нам давались напутственные семейные советы, — винтовок мы с собой не брали, и это несколько успокоило мать, — меня позвали к телефону. Я узнал веселый голос трамвайщика Хоакина Вареля, друга по союзу молодежи.

— Ла Монтанья взята, но это еще не все, — кричит он мне

Соборас же после записи в народном милиции боица получили стирожки.

в трубку. — Нужно завтра пойти на Гвадалахару — там серьезнее. Пойдешь?

— Ну, ясно пойду. Ведь я никуда уже не еду, и винтовка при мне.

Мы условливаемся, что завтра, рано утром, Хоакин зайдет за мной и Альберто, и мы отправимся на фронт.

Это была не война. Мадридская молодежь покидала город на день и к вечеру, выпустив все патроны, возвращалась почевать домой. У нас с Альберто было более длительное расставание с Мадридом, но и мы, пробыв две недели в Толедо, Гвадалахаре и Альто-де-Леон, не чувствовали себя еще бойцами. И свой «боевой стаж» я исчисляю со дня 2 августа, когда вдвоем с Хоакином Варелем мы пришли на бульвар Кастельяно в дом № 56, — здесь во дворе помещался штаб полка и шла запись в народную милицию. Здесь, на скамейках в саду, сидели сотни юношей — рабочих, крестьян, студентов и школьников последних классов. Они дожидались своей очереди. Среди них я увидел впервые Панчовидио — бойца, ставшего потом капитаном, с которым меня связала большая дружба, и маленького Гафоса, любимца батальона — школьника, самого юного нашего боевого товарища.

Внезапно я услышал веселый окрик:

— Рамон, и ты здесь!

Луис Дельбаль, в коротких брюках тирольских альпинистов, стоял посередине двора.

— Я тебе звонил по двадцать раз на день, вояка.

На рукаве его рубашки виднелись две звездочки лейтенанта. Луис проходил не так давно девятимесячную внестроевую подготовку и в октябре 1934 года дрался на стороне астурийских горняков.

— Как я рад, что мы будем вместе, — говорю я.

— И я не меньше. Помнишь, мы давали клятву пойти на один факультет? Вот и сдержали, оказывается, слово. — И Дельбаль торжественно произносит: — «Факультет народной милиции». Недостает только Франциско, — заключает он.

Худой и очень черный командир-баск — на левой руке у него нет двух пальцев — опрашивает нас:

— Ну, рассказывайте, что вы умеете делать.

И испытующе смотрит на меня.

Мне хочется рассказать как можно громче и подробнее о штурме Ла Монтанья, о боевых днях в Толедо, о царапине, полученной в Альто-де-Леон, которую и гордо именую раной. Пусть знают еще не нюхавшие пороха, рассеявшиеся на скамейках парни, что они имеют дело с человеком, уже ходившим в разведку и видевшим врага. Но командир пропускает мимо ушей мои «боевые переживания».

— Что вы можете делать? — задает он мне тот же вопрос.

Я совершенно серьезно отвечаю о моем окончании диплома.

Бойцы уезжают на фронт.

тических курсов, о выигрыше моей командой первенства Испании по регби, о нашем студенческом театре.

— Вот и чудесно, — перебивает меня командир. — Значит, начнем с азбуки.

Теперь мне все ясно. Его интересуют мои военные познания. Я готов обидеться:

— А прохождение строя по категории «Куото»¹! А штурм Ла Монтанья! А ранение под Альто-де-Леон!

Командир улыбается и дружески протягивает мне руку.

— Будем знакомы, — говорит он. — Командир четвертого, но пока не существующего батальона будущего полка.

Это Фелисе Луканди, мой начальник.

Я получаю назначение в Навальпераль, где мы будем учиться ходить, рыть окопы и стрелять. Мне выдают ружье, удостоверение бойца, неизменное одеяло и парусиновые сандалии. Луканди отводит в сторону уже принятых бойцов и отечески говорит нам:

— Мне очень хочется, чтобы у нас в батальоне были только храбрые люди и ни одного беспечного бойца.

Мы слушаем его скромную и душевную речь.

— Поверьте, друзья, что республике не нужны рыцари, подставляющие свои груди под свист разбойничьих пуль.

Я почему-то запомнил это первое напутственное слово моего будущего большого друга — старого революционера, коммуниста Фелисе Луканди. Мы прощаемся, и на завтра, 3 августа, назначаются наши сборы в Навальперале.

ОГОНЬ, ДРУЗЬЯ!

От Фелисе Луканди я впервые узнал, что можно и в двадцать два года не уметь ходить.

— Да вы, оказывается, не знаете, где правая сторона и что такое сомкнутый ряд! — покрикивал он на нас, на двести своих бойцов, терпеливо вышагивая с нами с утра до вечера.

Я часто думал в эти дни всегда томительной строевой подготовки, где и когда этот баск, мой первый командир, человек, который учил меня держать винтовку и петь «Красное знамя», где он познал премудрости боя.

В Навальперале, в семидесяти километрах от Мадрида, стоял наш четвертый батальон. Тогда у республики еще не было армий, и мы, частица колонны Мангады, обороняли винтовками самых невероятных систем сектор фронта.

¹ Куото — особый вид военной подготовки в Испании, заключающийся в том, что в течение шести месяцев призванный на службу живет дома и один раз в неделю выдвигается в казарму для прохождения строя.

Так же, как и мы в Навальперале, во всех городах нашей республики шагали, обучались военному делу, тысячи молодых людей.

На нас в эти дни были пестрые костюмы, непохожие один на другой. Двести молодых бойцов — металлисты заводов Мадрида, студенты всех факультетов и курсов и совсем неграмотные крестьяне Эстремадуры, среди которых почти ни один не мог написать своего имени, — составляли батальон полка.

Мы почти ничего не знали о нашем командире. Знали только, что он коммунист и сталевар из столицы страны басков и что ему скоро будет сорок лет. Луканди ждал нашего прихода в Навальперале и обосновался в маленьком домике, покинутом местными жителями. Позже нам рассказали, что наш командир прибыл формировать новую часть с собственным ружьем.

Это была музейная для наших дней винтовка, которую Луканди дважды зарывал в землю.

— Товарищ капитан, — сказали мы ему как-то, — зачем вам этот посох? (Нельзя было назвать это оружие винтовкой.) Не пойдете же вы с ним в бой?

Фелисе Луканди выслушал нас и немного приподнято ответил:

— Друзья мои, это не для боя. Моя пицаль — свидетель двух схваток с контрреволюцией. Всегда после наших поражений я должен был, убегая от полиции, прятать это оружие. Дважды я его уже прятал в земле. Я дал сейчас слово — никогда больше его не закапывать. Пицаль привезена в Навальпераль, чтобы страхнуть с нее землю, в которой она пролежала, и увидеть, наконец, победу.

Может быть, моим советским друзьям, которые прочтут эти слова нашего капитана, они покажутся слишком романтичными, но мы, немного сами романтики, хорошо поняли нашего командира.

Дельбаль подмигнул мне, слушая историю винтовки капитана. Нам это было хорошо знакомо. Ведь и мы когда-то, разобрав и черную ночь ручной пулемет, рыли далеко за городом яму и прятали нашу тайну.

Это было в декабре 1934 года. Шестнадцать дней подряд вместе с Луисом мы приезжали и ждали. Мы ждали, что в машину быстро вскочит бежавший из камеры Франциско Ордоньес. Нам не страшна была погоня — в машине находился пулемет. Девятнадцатилетний наш друг Ордоньес был посажен в тюрьму по делу октябрьского восстания. Его поймали с транспортом оружия, которое он возил в Астурию восставшим горнякам. Прокурор требовал на суде четырнадцати лет каторги нашему храбрцу, и мы решили вырвать его из тюрьмы. Все, казалось, было готово к побегу, но каждый день срывались наши планы.

Так приезжали мы шестнадцать дней, и когда убедились, что ничем не помочь Ордоньесу, мы решили зарыть пулемет.

— Помнишь? — прищурившись, смотрит на меня Луис.

Наш командир был полон какой-то чудесной энергии, которая захватывала каждого из нас.

— Ну, теперь вы наконец отличаете уже правую сторону от левой, и из пяти патронов один, наверное, попадет у вас в цель, — сказал нам как-то ободряюще Луканди.

Мы поняли, что учеба кончилась и скоро предстоит бой. В этот день наш командир произнес речь об испанской сентиментальности.

— Может быть, послезавтра мы встретим кое-кого из наших соотечественников, которые дерутся за фашизм. Пусть поймут все мои бойцы, что щадить в бою никого из них мы не должны и что соотечественники эти теперь называются смертельными врагами. Все мысли и действия только к одному — к победе над фашизмом!

Да, у многих из нас по ту сторону окопов были не только соотечественники, но и братья и друзья. Теперь они зовутся врагами.

У меня там двоюродные братья, товарищи по спортивной команде, десятки людей, с которыми меня связали годы юношеской дружбы.

Мы вляемся Луканди не щадить врагов, и он шутя от нас требует:

— Громче! Ведь вы знаете, что не все звуки проникают в мои старые уши.

Да, мы это знаем и даже ласково называем капитана «нашим глухарем».

Луканди — прекрасный пулеметчик и грамотный марксист — заблаговременно формировал свою часть. Он уже в первые дни войны мечтал о регулярной республиканской армии, и по вечерам в своем домике, который именовался у нас «собором марксизма», мы слушали его горячие речи на разные темы. Однажды мы категорически потребовали:

— Командир! Скоро нам покидать эту крышу и идти в бой. Расскажите наконец о себе.

Мы не много узнали в тот вечер. Луканди был скуп на слова. Двадцать один год он принимает уже участие в рабочем движении.

Когда ему было восемнадцать лет, он вышел из дому, сказав матери:

— Я иду за спичками.

Он ушел и больше никогда уже не возвращался в родной дом.

В пяти километрах от Навальперала уже несколько дней находился наш наблюдательный пост. Там было пять бойцов батальона, и командовал ими Торес, лучший спортивный журналист Испании, знаток спорта и сам спортсмен.

У каждого бойца есть свой учитель. Моим первым командиром был Фелисе Луканди, а первым человеком, за которым и пошел в бой, был Торес. Я знал этого великана, частого гостя наших больших спортивных встреч и утомительных тренировок. Мы любили его газетные отчеты — он писал только о тех видах спорта, которыми сам увлекался, и потому в любой корреспонденции Тореса чувствовался сначала спортсмен, а потом уже журналист. Он прекрасно знал регби и был нашим советчиком и другом.

За несколько часов до нашего выступления из Навальперала была получена телефонограмма из Мадрида о том, что военный министр преподносит подарок батальону — два пулемета и мортиру, за которыми можно тотчас же прислать в столицу. Мне, Луису Дельбалью и еще одному товарищу, фамилия которого сейчас не помню, наш командир поручил привезти этот подарок. Мы помчались в Мадрид. Нам вручили подарок, и в шесть утра мы выехали обратно.

Когда мы приехали в Навальпераль, часть уже построилась для выступления на передовые позиции.

У наших окопов лежали многочисленные листовки, сброшенные утром самолетами противника:

«Если вы отсюда не уйдете, мы вас всех к вечеру уничтожим».

Луканди громко перечитал несколько листовок с одинаковым текстом и сказал нам:

— Если мы старательно будем делать все то, чему учились в Навальперале, такой вечер никогда не настанет.

Через час мы уже понимали, что не напрасно сидел «черный Торес» все эти дни наблюдателем. (Мы называли Тореса «черным» за цвет его кожи.) Через час в километре от нас появилась кавалерия противника. Часто, будучи уже сам командиром, я повторял слова капитана Луканди, сказанные им грозно в ту минуту:

— Не стрелять, пока вы не услышите моего приказа.

Здесь я должен сказать об одном нашем товарище, оставшемся в Навальперале. Это был Салинас, единственный артиллерист единственной нашей пушки.

Салинас был знаменит тем, что ни один снаряд у него не уходил на пристрелку и с первого же выстрела он поражал врага. Это с большим трудом достигается в артиллерии, и те, кто понимает в этом деле, поймут и всю сложность профессии Салинаса, бывшего у нас тогда в чине лейтенанта. Необыкновенная орудийная прислуга работала со студентом Салинасом. Это были все профессора математического факультета. Они образовали нечто вроде артиллерийского консилиума, делали сложные вычисления, подчинялись приказам Салинаса и, пугаясь сами каждого выстрела, продолжали работать и вычислять.

Когда раздалась артиллерийская стрельба, мы покинули траншею, бросив в атаку.

— Не стрелять! — услышали мы опять грозное предупреждение Луканди.

Мы недоумевали: как это не стрелять, когда на нас мчатся по меньшей мере два кавалерийских полка противника? Но Луканди знала, должно быть, мастерство невидимого отсюда командира орудия, Салинаса. Когда конница была уже в трехстах метрах от нас, мы вдруг увидели, как взлетают вверх всадники и кони, как паника сменила вдруг организованность по-эскадронно мчавшихся кавалеристов и как косила ряды шрапнель. Тогда скомандовала Луканди:

— Огонь, друзья!

— Да это совсем не трудная штука — война, — слышим мы голос горластого Панчовидио.

И он, ликуя, сообщает нам то, что мы видим уже сами, вытягивая шею из-за прикрытий и охватывая мимолетным взором поляну.

Эскадроны, шедшие последними, стремительно и беспорядочно поворачивают, и их настигает меткий Салинас.

Мы посылаем им вдогонку ружейный залп, и балагур Панчовидио острит:

— Посмотрим, кто бежит быстрее: ваши кони или моя пуля?

Это были первые выстрелы, которые мы организованно, по команде произвели в эту войну.

Мы готовились к первой нашей окопной ночи. Нет, Панчовидио совсем не прав. Это не такая уж легкая штука — война, и маленькому Гафосу не мыслится, как можно уснуть на земле, накрывшись одеялом.

— Товарищ командир, — Гафос с излишней подтянутостью козыряет Луканди, — вы обещали вернуть мула крестьянину в Навальперале. Не сделать ли мне это сейчас?

Капитан скрывает улыбку — ему понятна несложная стратегия юного бойца.

— Я обещал, но не сегодня, а только через три дня, когда нас сменят и мы вернемся в Навальпераль.

...Медленно надвигаются сумерки. И не потому ли, как в тумане, выступают далеко-далеко непонятные еще тени. Как обманчива эта вечерняя тишина!

— Вы слышите?

Торес призывает к молчанию, и за каменными прикрытиями у нас всё безмолвно и неподвижно.

От внезапного нападения противника нас прикрывает лес, начинающийся, примерно, в двух километрах отсюда. Вот мы уже различаем что-то движущееся сплошной массой. Но еще лучше мы слышим. Это протяжные и глухие крики, поднимающиеся из-за леса. Не слышит только наш «глухарь». Но зато он первым распознает медленно надвигающуюся с гулом массу людей.

— Мавры, — спокойно произносит страшное и новое для нас слово Луканди.

Как смертоносный град пуль, проносится эта новость. Мы крепче прижимаемся к земле.

Луканди улыбается и восклицает с непоколебимым хладнокровием:

— Сейчас четвертый батальон покажет мавру!

Это были первые марокканцы, которых увидели на испанской земле бойцы республики. Улыбаясь, Луканди мечтательно грозит, подбадривая нас:

— Вот сейчас и покажем!..

Они шли с винтовками наперевес, огромной, нескончаемой массой, не то смеясь, не то крича. И здесь все мы подумали о Салинасе.

Почему он молчит? Где его математики? Дельбаль взволнованно вызывает его по телефону.

— Что ты не стреляешь? — кричит Луис в трубку полевого аппарата.

Салинас отвечает сердито:

— Спросите командира, чем он прикажет стрелять. Камнями? Ведь нет уже ни одного снаряда.

А марокканцы шли сомкнутым строем. Они уже были так близко от нас, что мы распознали звуки, казавшиеся нам непонятными на большом расстоянии. Это была не песня и не воинственный крик, а смех.

Дикое зрелище нас потрясло. Марокканцы шли, не стреляя, и смеялись.

К Торесу, Луису Дельбалью и еще одному пулеметчику отнесся приказ Луканди:

— Огонь, друзья!

Наш командир всегда так отдавал команду, призывающую к стрельбе. И в ответ пошел проливной санниковый дождь. Пулеметчики ни одной армии никогда, должно быть, не имели более легкой мишени, чем эта движущаяся колонна марокканцев.

Мы ощущали горячую сухость в горле.

— Огонь, друзья!

Это уже и нас призывает вступить в бой Луканди. Мы видим, как, покачиваясь, падают марокканцы, блестят их маслянистые, опаленные солнцем лица. Мелькают огромные мишени, и мы сами выбираем себе цель — они все кажутся нам похожими: осклащенные белоснежные зубы, свирепые брови, страшные лица обезумевших врагов.

Они падают все чаще, и угас уже смех. Кто-то значительно и громко выкрикивает в наших рядах:

— Да здравствует республика!

..Страшное наступление врага остановлено бойцами четвертого батальона, вступившими в свой первый день войны.

Поле усеяно трупами наемной армии. Через двадцать-тридцать

КВИГОХР...ИИ...ИЩЕ

Марокканцы в полном вооружении перед отправкой на фронт.

минут нам стало ясным такое шествие марокканцев в бой, безумный их смех и полное пренебрежение к своему врагу. Три взятых нами в плен марокканца рассказывали, что перед атакой их еще раз предупредили о том, что у красных ничего нет, кроме палок и охотничьих ружей, и ничего их бояться.

...Торее бегал от одного пулемета к другому. Никто не обладал таким точным глазомером и так блестяще не определял расстояние до цели, как он. Я лежал рядом с ним у его пулемета.

Издали мы увидели, что надвигались уже другая колонна марокканцев, но без песни. Мавры шли врассыпную, припадая к земле.

— Мне кажется, — услышал я голос Тореса, — что пулемет Дельбаля молчал в последнюю стрельбу.

И Торес предложил мне неожиданно:

— Давай поднесем ему ленты. Может быть, у Лунса кончились запасы.

Если вам будут рассказывать, что в первом бою не испытывают трусости, — не верьте этому. Я услышал слова Тореса, предлагавшего мне следовать за ним к пулемету Дельбаля — за двести метров отсюда. Это значит — и должен был впервые за весь бой подняться и пройти это расстояние, где каждый шаг мог принести смерть. Столько часов я пролежал за естественными прикрытиями — парашетами, и тут вдруг «черный Торес» предлагает мне встать таким спокойным тоном, как будто бы приглашает на прогулку. Сумею ли я подняться, — вот о чем я думаю в эту секунду. Ведь кругом над нашими головами свистят тысячи пуль, и только прикрытия спасает нас.

— Что ты сказал? — переспрашиваю я Тореса.

— Тащи, — говорит он мне совершенно равнодушно. — Тащи этот ящик. Почему-то молчит Дельбаль.

И он первым поднимается и идет к Дельбально. Я за ним. Вот как бесславно я заканчиваю свою жизнь! Вот где должен погибнуть Рамон Диэстро! Какое дело Торесу до пулемета Дельбаля? Почему он вдруг решил, что пулемет Лунса молчал? Я не могу даже принасть к земле, как это делают наступающие сейчас марокканцы.

Торес, как назло, все оборачивается и смотрит, иду ли я за ним. И тогда я решаю: будь что будет, и иду широкой походкой «черного Тореса» и только слегка наклонюсь, уверяя самого себя, что это не от трусости, а от тяжести ящика.

Двести метров! Как долго мы идем к пулемету Дельбаля...

— Что вы не стреляете? — кричит весело «черный Торес» Дельбально. — Может быть, нет патронов, так мы прише...

Больше мы ничего и никогда не слышали из уст Тореса. Он упал, как и шел, прямо, не сгибаясь. Он был мертв. Пуля попала в висок. Это была первая смерть, первый человек, которого я увидел мертвым в своем батальоне. Теперь я и бежал не сгибись и через минуту шептал нашему «глухарю»:

— Товарищ капитан, убит Торес.

— Торес? — повторяет угасшим голосом капитан и берет меня за руку.

— Да, — киваю я.

Луканди отворачивается, и я вижу, как суровый человек, который поносил позавчера сентиментальность, плачет. Через несколько секунд Фелисе Луканди подавал уже команду, всегда произносимую им нараспев:

— Огонь, друзья! — Сейчас он говорит это с удвоенной простотой.

Марокканцы были в каких-нибудь двухстах метрах и с криком, казавшимся еще более страшным и смертоносным, чем их оружие, неслись на нас.

«ЭРМАНОС, ПО ЭСТА РОХО!»

Вначале нам был очень страшен этот новый иноземный враг, бесконечно презиравший смерть, прикрывавший огромным своим телом, как броней, итаलो-германцев и обильно поливавший кровью далекую ему страну. Но потом даже храбрые и настоячивые мавры перестали быть пугалом. Мы научились побеждать и их.

— Я не верю тому, кто утверждает, что он ничего не боится, — сказал как-то Луканди, — таких храбрецов нет. Все были трусами, и храбр только тот, кто преодолел в себе трусость. Вот мы с вами, — заключил, смеясь, капитан, — теперь смельчачки, а ведь чего там? — были трусами, как и все.

За Навальпералем четвертый батальон полка отбивал уже пятую атаку марокканцев.

— Вот видите, — шутил Фелисе Луканди, — вот видите, как металлисты, крестьяне и студенты заставляют генералов менять тактику.

Мы это видели. «Непобедимая» марокканская конница, грозившая прогарцовать по асфальту Мадрида, переменяла неожиданно профессию уже после первого нашего удара. Кавалеристы стали пехотинцами и, спешившись с коней, не совсем хорошо чувствовали себя на этой земле под нашим обстрелом.

Второй день шли бои за Навальпералем, и мы не отступали ни на шаг. Колонна Мангада в те дни покрыла себя славой, и бойцы получали бодрящие приветы и поздравления трудящихся столицы. Салинас, наш артиллерист, был уже с нами в траншеях. С пушки он перешел на пулемет, так как давно растаял небольшой запас снарядов нашего батальона. Молчала и мортира по той же причине. И только три пулемета, наши винтовки, гранаты и часто штыки отражали страшные, как кошмарный сон, атаки марокканцев.

Сотни трупов марокканских солдат лежат совсем вблизи от нас. Ветер разносит невыносимый запах гниения. Мертвые, они кажутся еще более громадными, и громко сокрушается наш маленький Гяфос:

— Так далеко им нужно было ехать за смертью!

В его глазах вспыхивают неожиданно веселые искры надежды:

— Хоть бы живые посмотрели на своих товарищей, и, может быть, им захочется тогда скорее домой.

Пленные марокканцы в Мадриде.

Но тысячи новых мавров шли в атаку на нас, и мы видели, как они перепрыгивали через тела убитых своих товарищей, словно это были естественные препятствия, лежавшие на их пути.

Эти два дня непрерывных атак никто из нас не спал. И мы оставались все это время рядом с безмолвными нашими соседями — распухшими и черными от смерти лицами. Наступали третьи сутки без сна и пищи. Была безлунная ночь. И, должно быть, каждому из нас, еще молодых тогда бойцов, вступающих в третий боевой день, чудилось, как и мне, что ползком на нас надвигаются батальоны марокканцев. С вечера нас подбадривал Луканди:

— Эта ночь последняя.

После этой ночи он обещал нам переход в контратаку, взятие Авила, богатые трофеи, судил батарею Салинасу, десятки пулеметов Дельбалью и, увлекаясь, говорил о том, как мы приведем сотню коней марокканской кавалерии в Навальпераль и отдадим крестьянам в обмен за одного мула.

— Не спать! — поощал он голос до таинственного шопота и, проходя по траншеям, с отцовской нежностью подбадривал нас.

В три часа ночи то, что многим только казалось, уже наступило. Атака возобновилась. Мы беспорядочно стреляли, не видя мишеней, и только угадывали по дымным и неуклюжим теням, где бежит наступающий враг. И когда он совсем близко подошел к нашим паранетам, мы услышали громкий голос Луканди:

— На крыльях, друзья!

У нас еще не было опыта рукопашных схваток, но мы стремительно поднимаемся из-за прикрытий, словно совершили уже не один десяток таких победоносных рывков.

— Песню! — требует капитан, и мы откликаемся огненными словами «Красного знамени», которые заставляют еще сильнее стучать наши сердца и убыстряют шаг. Мы несемся со штыками и песней, и кажется, что в одно мгновение отгоняем мавров. Четвертый батальон располагается у новых прикрытий, на пяти-сот метров впереди старых траншей.

Марокканцы совсем рядом с нами. Они прикрываются камнями и баррикадируются трупами своих товарищей, неузнаваемых от мертвого сна. Никто не стреляет. Мы, как и враг, терпеливо выжидаем рассвета. Не было еще и пяти часов, когда мы решили испробовать то, что много раз уже повторил враг: перейти в наступление. Это была первая наша контратака. Марокканцы не ожидали ее. Беспомянутые в своем порывистом, летучем, почти неповторимом броске, мы устремляемся к баррикадам врага и забрасываем его гранатами. На одном дыхании мы пробегаем расстояние, отделяющее нас от мавров, и через несколько минут лежим уже за новыми прикрытиями.

...Весь день не раздавалось ни одного выстрела. Глубочайшее молчание царило вокруг. Мы были так обессилены, что даже звук голоса утомлял нас. Луканди разрешил спать, и мы, укутавшись в одеяла, легли за камнями, охраняемые всегда бодрствующим патрулем. Потом, после сна, бойцы привели себя в порядок, распределили пайки, найденные в кожаных сумках марокканцев, отправили раненых в Навальпераль, подсчитали небольшие трофеи, и каждый пополнил запас патронов.

В восемь часов вечера, когда уже смеркалось, из-за пригорка в пятистах метрах от нас появилось несколько марокканцев. Они высоко подняли руки и выжидательно смотрели вперед. У них не было никакого оружия. Мы не стреляли. Мавры медленно шли в нашу сторону, не опуская рук. И когда кто-то из нас приветливо им крикнул, — нам уже было ясно, что это перебежчики, — они обернулись и кого-то позвали. Вскоре человек двадцать откликнулись на их призыв. Это было радостное зрелище. Марокканцы шли с поднятыми руками и в свете заката были похожи в своих одеяниях на бронзовые фигуры. Они кричали, коверкая испанский язык, и мы радовались их восторженному признанию:

— Эрманос, но эста рохо!

И они шли, повторяя без конца эти слова:

— Братья, мы красные!

Четвертый батальон ликовал. Мы вышли из-за прикрытий, бросали вверх наши шапки и отвечали искренними возгласами приветия:

— Идите к нам, братья!

Первая помощь на фронте.

Мы готовы были броситься навстречу и обить их, наших обманутых врагов, убивших уже десятки среди нас. Обожженные солнцем, рослые и сильные, они шли, улыбаясь. Марокканцы были совсем рядом с нами, как вдруг непонятная и страшная сила обрушилась на четвертый батальон. Нас бомбили. Нас расстреливали в упор.

Мы поверили людям, кричавшим нам «братья». В дрожащих руках, поднятых вверх, у них были маленькие ручные гранаты, которые ни один из нас не мог заметить на расстоянии даже тридцати метров в этот кошмарный, на всю жизнь запомнившийся вечер. И одновременно все двести человек сбросили свой коварный и страшный огневой груз. Почва проваливается под ногами.

Как утопающий, я жадно хватаю в последний раз воздух, задыхаясь от удушья, и в черном дыму, как в непроницаемой туче, короткие и острые вспышки разрывов слепят глаза и обжигают тело. Я не знаю, что звучит сейчас громче: разрывы гранат, стоны умирающих или яростные проклятия живых бойцов.

Ошеломленные этой страшной неожиданностью, мы бросаемся за прикрытие. Яростный голос Фелисе Луканди возвращает нам мужество:

— Ни один мавр не должен уйти!..

Этот крик перекрывает все. И мы ничего не слышим уже, кроме голоса капитана:

— За мной!

Только сейчас нам, оставшимся в живых, стало понятно, что коварный враг плохо рассчитал.

Мы бросились вперед за нашим «глухарем». Не раздался ни один выстрел. В туманной дымовой завесе, еще не растаявшей после взрывов, мы ясно различали врага, обрушив на него приклад и штык. Откуда брались силы у бойцов четвертого батальона?

Словно и не было трех ночей без сна. Луканди не переставал выкрикивать:

— Не уйдет ни один!

И мы отвечали:

— Не уйдет!

Все двести легли у наших окопов. Но мы помнили, что новый враг может обрушиться на нас и где-то недалеко он наблюдает за этим боем. Луканди опередил замыслы противника. В полукилометре от нас уже устанавливали свои митральезы Салинас и Дельбаль. Но на сей раз враг не рискнул уже больше пойти в атаку.

Оставив охранение, мы через час покидали поле, усеянное трупами мавров. В кожаных сумках марокканцев мы нашли новое обмундирование — второй комплект, выданный им как аванс за кровавое злодеяние. За эти три дня наша одежда — в то время еще очень нестрая и разнообразная — успела загряз-

У стен Авилы.

ниться, и каждый из нас с удовольствием надел чудесную шелковую рубашку — форма марокканца — с полумесяцем, вышитым на груди.

— Самый верный талисман, — не унимался Панчовидно, выбирая себе рубашку по росту. — Стоит мне только научиться орать, как они, и вы можете послать меня в их окопы, — с серьезным видом предлагал Панчо нашему капитану.

..Мы шагаем к Авиле. С флангов нас поддерживают части полка Октября, и, не встретив никого на нашем пути, мы приближаемся без боя к окрестностям Авилы. Уже виден этот маленький городок, населенный недавно двадцатью пятью тысячами жителей. Разведка донесла, что Авилла покинута фашистскими частями, и Луканди определил точное время нашего вступления в городок:

— Остается выкурить одну папиросу.

Я был в разведывательном патруле. Мы уже идем по предместью Авилы. Конский топот заставил нас обернуться, и в статном всаднике, приближавшемся к нам, носившем поверх черного платка, низко повязанного на лоб, широкополую мексикан-

скую шляпу, я узнал полковника Гонзалеса из штаба Мангады. Не слезая с коня, он спросил, кто из нас здесь старший, и, узнав мою фамилию, передал мне письменный приказ, сказав:

— Поворачивайте с патрулем и немедленно вручите пакет капитану Луканди.

Километр отделял нас от батальона. «Почему полковник не мог сам передать приказ нашему командиру, ведь он прискакал оттуда?» — эта мысль не оставляла меня, когда я бежал с пакетом. Через несколько минут я стоял перед капитаном. Он вежливо развел руками, прочитал приказ, и протянул мне бумагу. Мелким наклонным почерком было написано: отойти сейчас же от Авилы и вернуться в Навальпераль. Объяснений никаких.

Мы шли молча, подавленные страшной и непонятной нам механикой войны. Ведь до Авилы только одна сигарета, — как говорил наш капитан. В чем же дело? Ведь предстояло укрепиться в Авиле и отсюда уже начать по-настоящему гнать врага? Луканди прекрасно понимал многозначительное молчание своих бойцов. На коротком привале, там, где мы подсчитывали наши трофеи, брошенные врагом у ворот Авилы, — здесь было четыре пушки, шесть пулеметов, сто тридцать лошадей, семь грузовиков и пятьсот комплектов обмундирования. — Фелисе Луканди произнес самую короткую из своих речей:

— Друзья, приказы не обсуждаются.

Тогда Панчовидно спросил, поднимая руку:

— Разрешите, товарищ капитан?

Луканди молча кивнул в знак согласия.

— Мы шан, когда по нас стреляли, — начал Панчо, — и вдруг остановились, когда ни одна винтовка уже не направлена на батальон. Непонятно, товарищ капитан.

— Приказы не обсуждаются, — строго повторил Луканди и заключил: — Командование не хотело больше жертв и дальнейших продвижений вперед.

Мы приближались к местам недавних наших боев. Была ночь, и мы шли в тягостном молчании. Вспоминались невольно широкая мексиканская шляпа, черный платок полковника, мелкий и косой его почерк и мгновенное исчезновение. Я был уверен, что о том же думает и мой капитан. Слишком уж непонятным для стратега, для бойца был только что врученный из штаба Мангады приказ об отступлении.

В Навальпераль мы вошли засветло. Здесь нас ждал приказ военного министерства. За победу над марокканцами — первыми иноземными войсками, с которыми встретились в эти дни бойцы республики, — нам, четвертому батальону, предоставлялись трехдневный отдых в Мадриде, денежная премия, каждому по двести пезет, и трое бойцов, в том числе и я, получившие звание сержантов.

На следующий день был назначен наш отъезд в столицу.

Всегда, когда мы проезжали деревни, отправляясь на фронт, мне приветствовали местные крестьяне. Вот и здесь один из крестьян остановил своего мула и посылает «Рот фронту» бойцам республиканцев.

Последнюю ночь в Навальперале я провел в нашем «соборе марксизма» — домике Луканди. Он мне показал портрет своей матери и читал ее письма.

— Ушел за спичками и с тех пор не видел мать. Прошло двадцать с лишним лет. — И Луканди трогательно пообещал: — Отвоюем, и в гости к старушке.

Мы говорили в ту ночь о многом: о необходимости организовать громкие читки, о Мадриде, который впервые увидят наши бойцы — крестьяне Эстремадуры, — об использовании библиотеки навальперальского священника и о распределении лошадей, захваченных у Авилы, среди крестьян местных деревень.

— А что вы думаете о приказе Гонзалеса? — спросил в Луканди. — Скажите только правду.

— Я ничего не думаю, — уклончиво ответил Луканди. — Но если хотите знать правду — только между нами, — мне не нравится этот Гонзалес.

Утром на грузовиках, отбитых у врага, с пленными марокканцами мы въезжали в столицу. Нас торжественно встречали. Эстремадурцы терялись на шумных улицах Мадрида, и я был их провожатым, как просил меня Луканди — единственный из всего батальона оставшийся в Навальперале. Я показал крестьянам мадридское метро, и они, уже обстрелянные бойцы, не пугавшиеся ни снарядов, ни пуль, ни бешеных атак марокканцев, здесь вдруг оробели и хором произнесли:

— Да ведь это преисподняя!

Мадрид в те дни был еще беспечен и весел. В кафе было много народа, в театрах шли веселые оперетты, в кабаре плясали. Один из эстремадурцев, возмущавшийся всем этим больше остальных бойцов, сказал мне хмуро:

— Нужно пойти в контратаку на это веселье, — оно опасней, чем мавры.

Нас расквартировали в казармах, и мои друзья и родные только вечером узнали о моем прибытии. Я явился домой в полном вооружении и, обнимая мать и сестер, весело отрэпортовал:

— Сержант Дизетро прибыл в наше распоряжение на три дня.

РАСТРЕЛ ПРЕДЕТЕЛЯ

Мы покидали гостеприимно нас встретивший и так же тепло проводивший Мадрид. Ну и поразится же Луканди, увидев своих бойцов во всем новом — настоящие «регуляры». Эстремадурцы стучат подобной, подбитой гвоздями, — им нравится солидная походка, которую они неожиданно приобрели в своих добротных ботинках.

Нас провожала целая армия мадридских мальчишек. И все они настойчиво требовали только одного:

«Самое интересное» — вот наши маленькие модницы,
маршируя по улицам столицы.

— Возьмите нас с собой!

Мальчишки чудесно шагали, нога в ногу, громко пели заученные песни, выпячивали грудь, показывая мускулатуру, и, когда все это оставалось незамеченным, начинали кланяться:

— Ну хотя бы на один день, ну на один только бой...

Нам приходилось зло покрикивать на мальчишек, которые без усталости шли с нами далеко за город.

— Я умею трубить, честное слово, я играл в школьном оркестре!

Это был уже неский довод. Вот представитель профессии, которая необходима каждому батальону. Сколько доверчивых командиров попало на эту удочку! Вскоре оказывалось, что все провожающие мальчишки уже первоклассные барабанщики.

И все-таки некоторым удавалось уговорить командиров.

Это нетрудно заметить, побывав в наших частях на фронте. Большинство музыкантов — ребяташки. И у нас, в четвертом батальоне, где не было ни трубачей, ни барабанщиков и единственным инструментом была гитара, роль батальонного «оркестра» исполнил Гафос. Рядом с винтовкой он носил на плече гитару. И я не обижу нашего юного друга, если скажу правду: первое время он и играл и стрелял одинаково плохо.

В Навальпераль с четвертым батальоном, отдохнувшим три дня в столице, едет новое пополнение. У моего командира взода, лейтенанта Луиса Дельбали, шесть новичков.

Во-первых, среди них наш Франциско Уренья. Скажу откровенно, мы долго совещались с Дельбалием, когда примчался к нам наш друг и объявил себя добровольцем:

— Еду с вами куда угодно!

Он грозил врагу, обещал расправиться со всеми мятежными силами и таинственно сообщал, что им приготовлена «такая пилюля, что противник ахнет».

— Да ты же хвастунишка Попэй, — заключает Дельбаль, выслушав все угрозы Франциско по адресу врага, которого наш школьный друг еще никогда не видел.

Мы смеемся. Вот наконец и найдена кличка Франциско. «Попэй» — так мы будем его называть. Нельзя придумать ничего лучше: Попэй — это имя героя приключенческих американских фильмов. Он тоже всегда угрожает врагу и машет кулаками, но... редко выполняет угрозы.

— Попэй, ты не обижайся, ведь мы твои давнишние друзья. — пробуем мы подготовить нашего товарища, — но на фронт тебе не пужно ехать.

Франциско искренне недоумевает:

— Почему?

Только сейчас мы замечаем, что Уренья вполне готов к боям. На нем какие-то фантастические брюки из красной кожи — он их называет бронированными, — обмотки и огромные, не по ноге, ботинки.

Почти в каждом батальоне можно было встретить такую неразлучную пару музыкантов.

Вот обычная картина, которую можно наблюдать на любой из улиц Мадрида и других городов республиканской Испании. Дети играют в войну. Поймано, все они «справительственные войска», и никто не хочет быть «франкистом».

— Помнишь, Попэй, ведь ты боялся мяча на поле, а там тебя ждет нечто более опасное, чем футбол.

Франциско смущенно сознается:

— Верно, боялся, но это была психология, а не трусость.

Мы советуемся с Дельбалем и решаем, что нам нужно все-таки взять с собой школьного друга.

— Отвезем тебя к нашему капитану, и он решит, — успокаиваем мы уже счастливого от одной этой новости Франциско.

В шестерке еще несколько наших друзей: Хулиан Палатнос —

известный легкоатлет, Диего де Месса — сын знаменитого в Испании поэта Эрикке де Месса, Альберто — мой брат, Хозе Кастаньедо — товарищ по университету и Хулио Ромео — студент медицинского факультета, — он уже был на фронте санитаром, а теперь мечтает стать бойцом.

Новичков могло быть и больше. Целый полк добровольцев готов был идти за нами в Навальпераль, но мы очень осторожно отбирали кандидатов в батальон Фелисе Луканди. Таков был уговор с нашим капитаном.

— У нас должна быть такая часть, где каждый боец с уверенностью идет в бой, зная, что никто его не предаст и рядом с ним никто не струсит.

Вот заповедь Луканди при подборе людей. И мы не подвели нашего командира новой шестеркой бойцов. Это были истые республиканцы, все члены объединенного социалистического союза молодежи, большая культурная сила, которая нужна была в части, где половина бойцов — крестьяне. Агитатором батальона был назначен мой брат — грамотный марксист и хороший оратор. Диего де Месса поручалась большая группа бойцов, не умеющих читать и писать. Лекции о санитарии и гигиене читал Хулио Ромео. Библиотека навальперальского священника и все газеты поступали в ведение Франциско, окончательно переименованного в Попэй, и он стал нашим читчиком и фронтовым книгоношей.

Первые пятнадцать дней после отпуска мы провели сравнительно спокойно. Лесистые холмы, на которых расположены наши домики, напоены чудесным ароматом осени. Нас почти не тревожил противник, и мы по-ротно четыре дни несли службу на передовых позициях, а три дня отдыхали в тихой в те дни деревушке Навальперале.

Иногда, когда все мы уже спали и только бодрствовал патруль, над крестьянскими домиками, превращенными в казармы, взлетала вдруг световая ракета. Связисты бросались к телефонам, но напрасно сжимали они рычаги трубок полевых аппаратов — никто не отвечал. Связисты в темноте ползали, обшаривая линию, и находили обрезанный чьей-то предательской рукой провод. Была устроена даже ночь тревоги. Мы мчались туда, где залегли неведомые сигнальщики, посылавшие условные ракеты противнику, но никого уже не могли обнаружить.

Бесконечным казалось нам ожидание приказа о наступлении. На шестнадцатый день пребывания в Навальперале четвертому батальону был наконец вручен долгожданный приказ. Нам предстояло неожиданной атакой в безлунную ночь взять городок Лас-Навас. Эта незаметная на карте точка, расположенная высоко в горах, у быстрых и холодных ручьев, — давнишний и хорошо зарекомендованный курорт. Здесь, прячась от летней жары, отдыхает мадривская буржуазия, здесь в мягкие зимы бродят на лыжах богатые туристы. Луканди смеялся:

— Вот и мы побываем наконец на курорте.

Лас-Навас — выгодная в стратегическом отношении высота, естественный оплот Навальперая.

Уже вернулись наши разведчики, и у нас теперь точные данные о том, где окопы противника и где его заграждения. Командование знает даже — и все благодаря разведке, — что делается далеко в тылу врага. И сведения, которыми мы располагаем, и принятое решение о внезапности атаки дают твердую уверенность в победе даже с теми небольшими огневыми запасами, с которыми мы выступаем. Задача ясна. На три часа ночи назначается атака. До Лас-Наваса восемь километров. Мы строимся по-изводно и уходим в неизвестную нам темноту, выслушивая шопотом пронзительную команду. Уже у самого Лас-Наваса, где безмятежно спал враг, ничего не подозревая, — его не могли уже ни о чем предупредить патрули, бесшумно нами снятые, — была вдруг получена тревожная телефонограмма:

«Республика теряет Пегринос».

Эту новость взволнованно сообщили из штаба.

«Штаб» — произносят бойцы всегда такое понятное всем слово, а сейчас вдруг загадочное и новое.

Пегринос — маленькая деревня, которую нужно отбить любыми средствами, — неожиданно заняли марокканцы.

Второй раз нас останавливают у самой цели. Только утром мы достигнем Пегриноса, и, стало быть, бой не будет уже внезапным. А ведь так мало патронов!

Луканди мрачен. Бойцы понимают сложность задачи и нервничают. Одна обойма — все наши огневые средства. Если с этими запасами и можно было двинуться на Лас-Навас, рассчитывая на внезапность ночной атаки и всегда беспорядочное сопротивление сонного противника, то днем с пятью патронами отобрать Пегринос было безумием. Бойцы недвусмысленно шепчутся о пятом патроне, который нужно беречь для того, чтобы не попасть хотя бы живым в руки марокканцев. Луканди собирает человек двадцать. Здесь командиры и наиболее выдержанные и смелые бойцы.

— Мы возьмем Пегринос, — ледяным тоном начинает Луканди. — Даже пятью патронами возьмем. — И капитан предостерегающе замечает: — Только при одном условии: бойцы должны быть уверены, что в сумке у них несколько лишних обойм.

Какая фантазия взбрела на ум Луканди? Мы молча переглядываемся. Молчит и капитан. Наконец, после тягостной паузы, он продолжает:

— В первый раз я вынужден сказать моим подчиненным неправду, которую так не люблю. Но я много думал и решил, что иначе нельзя.

Мы выслушиваем командира. Он говорит, что должен воспользоваться доверием батальона и пообещать ему то, чего нет. Мы соглашаемся с Луканди. Через несколько минут на ко-

Политкомиссар держит речь перед бойцами своей части.

ротком митинге бойцов наш командир произносит веселым тоном, не вызывающим никаких сомнений, бодрые и пафосные слова:

— Друзья, нам нужно отобрать Пегринос у мавров. Мы хорошо отдохнули и хорошо вооружены. Да, да, — повторяет капитан, — очень хорошо вооружены! — И он показывает в сторону, скрывающуюся во мраке: — Сзади нас обоз с доброй сотней тысяч патронов.

В четвертом батальоне не было человека, который не поверил бы этим словам Луканди. Мы бодро и весело выступали и путь, стараясь в бледных лучах рассвета рассмотреть незнакомую местность. Было тихо и безмятежно.

Пегринос лежит во впадине. Настанет день, когда сюда придут историки. Они запишут все, что расскажут им свидетели первой большой битвы, давшей победу республике. Этот бой был прозван «ловушкой». Опыленный легкой победой над беззащитным населением деревушки, враг насильничал, грабил, пьянствовал и забыл о всяких мерах предосторожности. Мы подошли к Пегриносу тогда, когда мавры еще праздновали первые часы вступления в деревню. Батальон полка имени Октября подходил справа, а мы продвигались с другой стороны к месту удара. Это был день, когда бойцы республики почувствовали наконец все преимущества взаимодействия пехоты с авиацией и увидели стремительную и уничтожающую работу наших летчиков-штурмовиков, промчавшихся бреющим полетом над головами марокканцев. Да, это был сигнал, более ясный, чем световая ракета. Быстрокрылые, они рокотом своих моторов нарушили тишину осеннего утра. Мы ринулись в деревушку и увидели уже начало панического бегства мавров, сразу протрезвившихся от стального набега нашей авиации. Но бежать некуда. Пегринос залег в глубокой впадине, и все возможные выходы из деревушки стерегут бойцы наших полков. Почти без выстрелов, не разрядив даже единственной обоймы, мы входим в Пегринос так быстро, словно договорились догнать наших летчиков, умчавшихся только что со страшной скоростью.

Тот, кто ударяет первым, выигрывает. Это была самая короткая и самая славная из битв, в которых мне удалось принять участие за все месяцы борьбы. Штыком мы прокладывали путь в узких улочках деревни и прошли ее напрямик от первого дома до последнего. Мавры лежали поодиночке и группами. Подбадривая друг друга, мы повернули и побежали в обратном направлении, очищая от врага деревню. Только наиболее рылые оказывали нам сопротивление. Остальные подымали вверх дрожащие руки, но не кричали «эрманос» («братья»), как двести их соотечественников в тот памятный на всю жизнь вечер, и только молили о жизни.

Через час с разведкой я уходил вперед. Со мной два бойца и батальонный весельчак Панчовидно. Мы направлялись на одну

высоту, где должны были оставаться до следующей смены. Сведения о расположении сил противника у нас почти никаких не было, и нам казалось, что события в Пегриносе ввиду их молниеносности неизвестны еще и штабу врага. Вскоре мы получили подтверждение нашим догадкам. В бинокль мы заметили, как кто-то быстро спустился с горы по направлению к долине Пегринос. По форме еще нельзя было определить, кто это шел к нам. В первые месяцы войны и мятежные войска и наши части носили почти одинаковую форму — комбинезоны, а в жаркие дни все мы были без головных уборов. Зачастую нетрудно было и спутать по внешнему виду две воюющие стороны.

Рядом со мной лежали Панчовидио и старший боец в иине кабо (это первый чин до сержанта).

— Фалангист, — уверенно шепчет кабо.

Еще несколько минут терпения, и вот мы уже слышим веселое пение спускающегося с горы человека. Он в военной форме — это видно и без бинокля. На нем такой же новенький комбинезон, как и на нас. Наш кабо, очень опрятный и даже щеголеватый, поднимается во весь рост. Распевающий военный уже в каких-нибудь ста метрах от нас. Когда он увидел кабо, его обуяло еще большее веселье. Офицер торжественно и приподнято провозглашает, подняв в римском приветствии руку:

— Аррива Эспанья!

Мы продолжаем лежать и слышим это фашистское приветствие офицера, принявшего нашего кабо за мятежного солдата. Мы готовы уже выскочить из-за пригорка, как вдруг раздается ответное и такое же торжественное:

— Аррива Эспанья!

Наш кабо не хочет еще разочаровывать фашиста. Пусть приблизится для рукопожатия! Через минуту офицерские сапоги уже топчут траву у самого нашего прикрытия. Противи Панчовидио или я руку, и нетрудно достать до офицера. Но мы лежим так тихо, что слышим биение наших сердец.

— Далеко ли свиньи? — вопрошает офицер. Это он уже интересуется нами — республиканцами. Так они нас именуют. И в какой-то неуловимый миг мы слышим вдруг страшный удар, падение тела и иронический рапорт кабо:

— Одна из этих «свиней» вас приветствует, сеньор.

Мы вскакиваем, видим валяющегося офицера и вежливо предлагаем ему подняться. Мы помогаем ему снять с себя оружие и с подчеркнутой любезностью объясняем, что он «заблудился».

— Разве это не Пегринос? — недоумевает офицер.

— Так точно. — Пегринос, — отвечаем мы хором. — Но там с некоторых пор пасутся уже «свиньи».

В тот день нашей разведке везло. Через несколько часов мы обогатились новыми, но еще более значительными «трофеями». Для обозрения мне досталась вершина одной горы и крутой

подъем. Я не опускал бинокли, следя за вершиной. Какая-то фигура вдруг появилась в увеличительных стеклах. Я кричу Панчовидно, он видит то же самое. От нас кто-то поспешно удаляется. «Вперед!» решаем мы. А может быть, вблизи сидит враг и специально выпустил эту приманку на склон горы? Все равно, мы решаем идти вперед и разведать. Изредка мы прикладываем бинокли и видим, как озирается человек. Он уже не движется, а что-то ищет. Мы пробираемся, хорошо маскируясь. Уже нетрудно разглядеть незнакомца, вернее незнакомку. Да, это женщина. Она часто садится и вновь поднимается. Мы ползем бесшумно. Чорт побери! Да ведь это фармацевт навальперальской аптеки. Признаться, мы часто заходили в это учреждение, не столько за лекарственными средствами, сколько поблагодарить еще раз эту единственную храбрую девушку, оставшуюся в дни боев в Навальперале и невозмутимо готовящую многочисленные микстуры. Кто из бойцов четвертого батальона не знает ее? Но что она делает здесь, так далеко от своих склянок и рецептов?

Мы ползем дальше. У девушки из навальперальской аптеки неплохой слух. Она услышала подозрительный шорох и встрепелулась. Мы наводим на всякий случай наши винтовки на фармацевта и приказываем ей лечь на землю.

— Что вы здесь делаете? — вопрос ведется шепотом. — Собираете травы? Далеко, однако, завели вас научные экскурсии.

Мы предлагаем исследователю зеленых покровов Гвадаррамы ползти впереди нас. Девушка нервничает, но мы успокаиваем ее, что все же это легче, чем восхождение на высоты. Потом мы поднимаемся и приказываем нашей спутнице сделать то же самое. Здесь мы вежливо обыскиваем нашу давнишнюю знакомую и находим: план нашего расквартирования в Навальперале, расположение передовых траншей и записку, адресованную в штаб мятежных войск.

— Совсем не изысканная латынь, — иррационально замечает Панчовидно, пробегая записку. — И подписано не знаменитым медиком, а всего-навсего буквой «Г».

Я беру записку и невольно вскрикиваю от удивления. Как не узнать эти наклонные и мелкие буквы — почерк Гонзалеса! Точь в точь, как в том приказе. Теперь нам понятны неожиданные ночные ракеты, обрывы проводов, появление «юнкеров» над нами в часы прибытия на фронт вождей испанского народа. Нам понятно, почему отвели нас от Авиды и не был взят Лас-Навас. Предатель Гонзалес повел нас в Пегринос, ожидая здесь нашей гибели. Он ошибся, жалкий шпион и изменник! Я читаю его записку. В ней шпик распинается перед хозяевами. Он пишет, что удивлен нашим сопротивлением, и обещает скорую победу мятежникам. Он не забывает напомнить и об очередном расписании для «юнкеров» — послезавтра, в восемь утра. В этот день и час на фронт прибудет Пасионария.

—Через несколько часов мы подходим к штабу колонны Мангиды. Шпионка под охраной моих бойцов осталась далеко от входа. У дежурного по штабу я настоятельно требую личного свидания с руководителем колонны, объясняя это неотложным событием большого военного значения. Вскоре я вручаю документы, захваченные у шпионки, высокому худому старику. Он распознает почерк своего ближайшего помощника на записке, адресованной штабу Франко, и крепко жмет нам руки.

Назавтра мы узнаем, что Гонзалес расстрелян по приказу республики.

«ПАККО»

Где-то недалеко от наших передовых позиций, а иногда и совсем рядом — у временных казарм, — раздавались одинокие, но всегда неожиданные и попадающие в цель выстрелы. Это стреляли «пакко» — таинственные и неуловимые марокканские снайперы. Выстрелы этих стрелков были страшнее пулемета, открыто ведущего свой огонь. О невидимых сверхчеловеческих «пакко», о несчастливой их удаче и погибших бойцах у нас много и взволнованно говорили. Чего таить — мы испытывали какой-то гипнотический страх попасть под пулю рядом с нами маскирующегося марокканца. Название этих стрелков, смело пробирющихся почти в наш тыл, происходило от точного воспроизведения звука пули — «пак-ко», — вылетающей из африканской винтовки, которой были вооружены снайперы.

Частое появление марокканцев стало злой игрой зверя в невидимой берлоге. Одна-две жертвы этих «пакко» были печальным итогом почти каждого дня. Гористая местность, где мы тогда находились, прекрасно маскировала одиноких стрелков. Наш страх еще больше раздувал славу врагов. Бойцы распространяли слухи о каких-то мифических качествах этих «пакко». Говорили, что они бьют любую птицу в лёт и поражают животное только в глаз, чтобы не портить шкуры.

Неожиданный выстрел раздался и сегодня утром. Пуля попала в окно нашего штаба, и мы были ошеломлены этим наглым нападением врага. В те дни Лас-Навас был уже нашим. В Пегриносе остался один из батальонов полка имени Октября, а мы, хорошо вооружившись захваченными трофеями, направились туда, где предательские планы шпиона Гонзалеса остановили нас в тревожную ночь. Заняв этот чудесный уголок Гвадаррамы, излюбленный мадридской буржуазией, мы вскоре поняли, что враг потерял не только очень важный стратегический пункт, но и небывалый в условиях войны уют. Даже обидно было прозябчески именовать прекрасные отели Лас-Наваса казармами. Луканди был прав, когда шутя обещал нам здесь «курорт и отдых». По утрам наш командир обходил многочисленные отели, где

мы расквартировались, и настоятельно требовал от нас порядка и чистоты, напоминая, что вскоре мы сюда приедем надолго, так как республика подарит заслуженный отдых своим бойцам на лучших курортах Испании. Многочисленные слуги остались беречь добро своих господ, но мы их скоро спровадили из Лас-Наваса. Наши эстремадурцы, потрясенные необычной обстановкой отелей, брошенных знатными бездельниками, ни за что не соглашались лечь в постели. Они предпочитали расстелить на ночь матрацы на полу, и только настоящие Луканди заставили наших бойцов-крестьян перебраться в широкие кровати.

Лас-Навас представлял собой естественную крепость, оберегающую подступы к Навальпералю. Наша задача была — охранять эту выгодную высоту, не подпуская врага, находящегося всего в пяти километрах. Но враг ежедневно напоминал о себе одиночными выстрелами «пакко», словно говоря, что он может безнаказанно разделаться с нами.

В те дни мы были уже богаче, и запасы патронов позволяли нам даже тренироваться в стрельбе по мишеням. Время пребывания в Лас-Навасе было для нас учебной, боевой и политической. Диего де Месса весь ушел в занятия с неграмотными бойцами, и вскоре он демонстрировал Луканди первые письма своих учеников, самостоятельно написанные. Попэй, наш читчик и фронтовой книгоноша, охватил уже своей просветительной работой весь батальон, а Хулио Ромео завершал курс лекций о санитарии, гигиене и первой помощи в бою. Но всем нам была не по душе эта почти спокойная армейская жизнь. Мы уже успели привыкнуть к боям и даже почетную задачу защиты Лас-Наваса считали в душе делом менее важным, нежели постоянное продвижение вперед и стычки с марокканцами. Наши настроения угадывал Луканди, и нам крепко доставалось за эти, как именовал он, «политико-стратегические отставания».

Однажды капитан вызвал Дельбала, Панчовидно, Попэя, Фигаруа, меня и еще трех бойцов. Луканди серьезно разрабатывал план организации снайперской команды и решил отобрать нас. Наш командир развернул захватывающую картину ближайшей операции нашей восьмерки. Этой ночью нам предстоит первая вылазка на территорию врага, и с рассветом мы должны вернуться, доложив об удаче.

— Вы, кажется, рассказывали, — обратился ко мне Луканди, — что все эти места вам хорошо знакомы?

Какая память у нашего «глухаря»! Когда-то я говорил о давнишних моих скитаниях по Гвадарраме с друзьями по факультету, и вот сейчас Луканди, вспомнив об этом, включил меня в восьмерку проводником.

Ночью мы покидаем Лас-Навас, чтобы «поупражняться», как напутствовал нас Луканди.

В пяти километрах от нас, в маленькой деревушке, спят ми-

Газету мы всегда ждали в петербург.

тежный батальон. Это смешанная часть из марокканцев и фалангистов. Господа испанские фашисты никогда не несут ночной охраны, если существуют мавры. По данным разведки, враг ждет подкрепления. Ползком, в темных одеждах мы приближаемся к цели. Ночь безлунная — верный спутник разведчика. Спидетель всех наших походов — одеяло — сегодня будет нашим оружием. Мы уже видим того, кто первый испытает внезапную силу этого нового вида «вооружения». Высокий мавр шагает от дерева к дереву. Марокканца выдает белое одеяние. Понятно, нет ничего легче, как сразить сейчас его меткой пулей. Но ведь не за этим мы приползли сюда. Нам нужно снять бесшумно всю ночную охрану — весь патруль. Панчовидно, Дельбаль и один из бойцов подползают на расстояние двух-трех шагов к марокканцу и, когда он делает поворот, набрасываются на него, накрывая одеялом, валят на землю, и он не успевает даже крикнуть. Следующий мавр, в двухстах метрах отсюда, достается мне, Полю и Фигаруа. Пока первая наша тройка разделяется с огромным мавром, мы секунду выжидаем поворота часового и набрасываемся на него таким же образом.

Так мы проползли примерно с километр и бесшумно сняли весь ночной патруль — шесть человек, охранявших деревушку, где спал враг. На Гвадарраме светает очень рано, и мы должны вернуться к себе засветло. Еще час в нашем распоряжении. Сообщаемся шепотом. Мы решаем войти в деревушку, с тем чтобы распознать, где находится штаб. Решено приготовить сюрприз Луканди и принести ему какую-нибудь карту из штаба противника. Но через несколько минут блужданий благоразумие берет верх, и мы решаем уйти обратно. На узкой улочке Дельбаль спотыкается.

— Чудесно! — шепчет он, поднимаясь.

Это — портативная мортира, очень удобная и незаменимая в горных условиях. С ней можно даже бежать — так она легка. Одна такая мортира имеется и у нас в Лас-Навасе. Но мы давно уж не работали с ней. Ни одного мортирного снаряда не осталось в четвертом батальоне. Дельбаль шарит по земле и готов даже вскрикнуть от восторга. Целый запас мортирных бомб! Они очень напоминают авиационные по своей форме. Каждый из нас запасается этим грузом, и, взяв на плечо Полю мортиру, мы бесшумно идем дальше.

Когда мы отходим уже метров на четыреста от деревушки, созревает план, который единогласно принимается: нужно посеять непоправимое смущение в рядах врага. Быстро устанавливается мортира — на это не нужно даже и минуты, — и первый оглушающий выстрел посылается в спящую деревушку. Мгновенно мы уносим мортиру в другую сторону метров за сто и уже отсюда посылаем второй и третий снаряды. Так, в течение нескольких минут мы меняем точки. Трудно представить, что делается в стане врага! Если бы даже деревня бодрствовала, все

равно в это почное время почти невозможно определить, откуда летит эти маленькие, но уничтожающие снаряды мортир, выходящие из строя при удачном попадании до тридцати человек. Соинному врагу, который сейчас начал беспорядочную и, должно быть, самоуничтожающую стрельбу, наверное, кажется, что он окружен со всех сторон.

Мы слышим совершенно непостижимую перестрелку на территории деревушки. Это нам и нужно. Не израсходовав и десятой части запаса мортирных снарядов, мы быстро удаляемся и скоро, еще до наступления полного рассвета, пройдя все наши патрули, стучимся в дверь Фелисе Луканди. Мы устанавливаем мортиру посреди комнаты, где бодрствует наш «глухарь», разбуженный далекой стрельбой, выкладываем все бомбы, и Дельбаль рапортует о первой вылазке республиканских «пакко».

Как счастлив Луканди! Он бормочет что-то, поспешно обнимает каждого из нас и наконец роняет:

— Если они «пакко», то мы должны называться так, как именуют лучших стрелков в Советском Союзе.

Мы провозглашаем «ура» и принимаем это посвящение в «стрелки Ворошилова».

За нами закрепляется это имя, и отныне наша восьмерка зовется «ворошиловцы». Потом мы часто совершали далекие разведки в тыл врага, и нашим оружием были уже не одеяла, а очень совершенные винтовки с оптическим прицелом, которые были еще более метко, нежели африканские ружья.

Три недели мы остаемся на месте. Лас-Навас — наш дом и почти мирный гарнизон. Но вскоре четвертый батальон, как и в Навальперале, начинает по-ротно нести службу на передовых позициях. Враг тоже покинул свою деревушку, и наши траншеи отделяют какие-нибудь тысяча пятьсот метров. Здесь залегли авангарды республиканцев и фашистов.

Неделю нам не подвозят продуктов. Поле усеяно пустыми консервными банками. Вчера мы проклинали эти сардинки — единственное, что оставалось в нашем неприкосновенном запасе. Три дня подряд мы питаемся сардинками. Сегодня мы делаем уже вылазки за банками, отброшенными за сто метров от окопов. Ни в Лас-Навасе, ни в траншеях не остается ни крошки хлеба, ни одной банки консервов. Наши охотники за пустыми жестянками возвращаются ползком. Враг, находящийся совсем рядом, не должен знать о том, что мы подтягиваем животы поясами.

— Богатый улов! — радостно возвещает Панчовидно, доползая до окопа. И он нам показывает, прыпсывая, содержимое двух банок.

— Хорошо быть сытым. — философски изрекает Хулиан Палатнос. — Если бы мы вчера были так же голодны, как сегодня, в этих коробках не осталось бы ни одного хвоста сардинки, в так мы имеем четыре нетронутых рыбешки.

Да, это точно подсчитано. В грех жестянках найдено четыре сардинки.

— *Tempus fugit*, — цитирует Горация Попэй, — время бежит, и я предлагаю продлить мудрость на день.

Мы догадываемся, что это предлагает толстый Франциско.

— Тебе хорошо, верблюд, — ты нажрался в Мадриде и питаешься сейчас, как твой двугорбый собрат, жировыми отложениями.

Франциско виновато бормочет:

— Честное слово, я не собираюсь у вас просить и четвертушки сардинки, но на вашем месте я съел бы ровно половину, а завтра снова нашел бы в этих же банках две сардинки.

Мы смеемся и великодушно предлагаем автору проекта полсардинки. Пиршество идет во-всю, и Панчовидно разворачивает перед нами свои исключительные познания в кулинарии.

— Есть сны и существует явь, — начинает он спокойным голосом рассказчика, приготовившегося к долгому повествованию. — Вам могут присниться слоеные пироги с начинкой из петушиного гребня. Это сон гурманов. Бойцы республики должны видеть только реальные вещи.

Широким жестом Панчовидно показывает нам простирающееся за окнами поле.

— Вот вам картошка, обычная картошка, гарнир, который растет у нас под носом. Вы знаете, — с неожиданной поспешностью говорит Панчо, — что двенадцать самых разнообразных блюд можно приготовить из этих плодов!

Мы глотаем слюну и слушаем сказочное меню Панчовидно. Это — пюре, картошка «в мундирах», печеная на углях, жареная...

— Но где взять масло? — робко обрывает Попэй.

— Масло? — Панчовидно презрительно измеряет взглядом нашего Франциско. — Жалкий неуч ты! — И он делает ошеломляющее открытие: — Слава лас-наваской картошки заключается в том, что она жарится в собственном соку!

Я слышу, как урчат у меня в животе от этой новости. Что бы мы отдали за одну такую картофелину!

Но червь сомнения грызет нас, и мы зовем на консультацию Фигаруа — бойца-крестьянина, известного в батальоне под кличкой «Шериф». Он все знает, особенно в области, относящейся к сельскому хозяйству. Фигаруа с видом знатока подтверждает, что картошка Лас-Наваса действительно хороша.

— Но где уж вам, товарищи студенты! — вежливо роняет он. — Вот если бы нам разрешил наш капитан, мы притащили бы целую тонну.

Диего де Месса обижен за все студенчество и почти беснуется:

— То есть, как это — где уж нам? Если бы не обстрел, студенты давно накопили бы для всего батальона!

Молодой рабочий — боец народной армии.

«Шериф» притворно покатывается со смеху.

— Вы бы накопили? Да нужно же уметь!

Чорт побери! Мы оскорблены в лучших наших чувствах. Немедленно снаряжается делегация к Луканди, и мы просим его разрешения снарядить маленький продовольственный отряд на котку картошки. Мы доказываем всю безопасность такой экспедиции: во-первых, враг не ел дольше нашего, у него нет даже остатков сардин, а поэтому и никаких сил для стрельбы...

— Согласен, — говорит Луканди и, обсуждая все меры предосторожности, утверждает состав «бойцов-огородников». Всего пойдет четырнадцать человек: семь крестьян и семь студентов. Крестьян ведет Фигаруа, студентов — Хулиан Палатиос. Мы заключаем дружеское пари. Тот, кто накопает меньше картошки, кормит бригаду-победительницу чудесным обедом в Лас-Навассе в первый же день нашего отдыха.

Мы жили очень дружно с бойцами-крестьянами, любили друг друга, и у нас никогда не было никаких разногласий. И этот поход на картофельное поле мы рассматривали, как спортивное соревнование двух «команд», так свойственное нашим пылким натурам.

Крепкими узлами стянуты рукава на рубашках, узел и на воротнике, и четырнадцать самодельных мешков готовы. Мы желаем счастливого пути нашим «огородникам», и Фигаруа дает на «старте» дружеские советы бригаде студентов — как продуктивнее копать картошку. Наша бригада внимательно выслушивает «картофельные инструкции». В семерке — Диего де Месса, Палатиос, Попэй, мой брат, Панчовидио, Хулио Ромео, Кастальедо.

Осторожно пробираются наши охотники за двенадцатью блодами Панчо. От камня к камню. От дерева к дереву. Мы внимательно наблюдаем за ними. Враг их заметил и посылает одиночные выстрелы. Мы видим, как работают маленькими долотками наши четырнадцать друзей и как беснуется враг, сам, должно быть, облюбовавший это лакомое поле. Мы, как азартные зрители спортивных соревнований, поддерживаем любимую команду-победительницу, а враг злобно рычит, посылает проклятия и бессилен в своей ярости.

— Да у них, должно быть, нет и патронов, — заключает Дельбаль, когда затихают и одиночные выстрелы.

А наши судорожно работают, и их прикрывает от траншей врага маленькая возвышенность, за которой они почти в безопасности, если бы даже и стрелял враг.

Проходят томительные полтора часа. Ползком возвращаются наши с драгоценной своей ношей. Страшные крики испускает противник. Луканди, надевансь, предлагает им в рупор:

— Спуститесь-ка вы за картошкой.

Когда наши совсем близко, мы ползем к ним навстречу, помогая волочить рубашки-мешки.

Сейчас начинается самое занятное. В то время как разводится

костры, незаинтересованное «жюри» ведет подсчет добычи. Считается каждая картошка. Это долгая и утомительная процедура, но вот сам Луканди призывает нас к молчанию и поздравляет четырнадцать смельчаков с победой.

— Первая из нас благодарность тем безымянным труженикам, которые своими руками добились такого урожая. Когда мы отберем эту землю и сюда вернутся ее хозяева — крестьяне, — мы берем им с лихвой все, что сегодня собрали здесь.

Мы провозглашаем громкое «ура» и с нетерпением ждем объявления результатов.

Луканди уклончиво заключает:

— С победой вас, товарища бойцы! — и весело желает нам аппетита.

— Капитан, — несется со всех сторон, — товарищ капитан, кто же победил?

Луканди притворно показывает на уши и делает вид, что ничего не слышит. Тогда поднимается смущенный «Шериф» и говорит:

— Прошу студентов пожаловать на обед в Лас-Навас. У вас на двести тридцать картофелин больше.

Мы шумно обсуждаем нашу победу и назначаем Панчовидно нашим шеф-поваром. Он предлагает на первое картошку печеную, и мы единогласно принимаем это меню.

...Каждую ночь мы слышим далекий гул моторов. Это мятежникам подвозят на грузовниках боеприпасы и оружие. Днем мы видим друг друга и настороженно выжидаем. На пятую ночь нашей траншейной жизни мы призываем мятежных солдат переходить к нам. Панчовидно был у нас большим специалистом в этих переговорах.

— Вас не только обманывают, но даже не платят жалованья! — кричит в рупор Панчовидно.

По ту сторону молчание.

— Если бы вы захотели сейчас покурить — вам нечего, — продолжает наш приятель.

Кто-то выругался во вражеских окопах, и Панчовидно спокойно отвечает:

— Я бы советовал вам сейчас заткнуть ваш рот и открыть его только тогда, когда я принесу вам папиросы.

Мы знаем, что все эти три дня у врага не было табака.

— Неужели вам не надоело курить «гаванну»? — Мы все хотим, и Панчовидно притворно-сочувственным тоном спрашивает:

— А почему бы не попробовать отборные табаки из травки и листьев капусты?

Чей-то далекий голос изрекает из темноты:

— Не хвастайтесь, вы сами давно уже испробовали эту смесь.

Панчовидно добродушно перестает иронизировать и неожиданно для всех нас и для врага, засевшего в окопах, говорит:

— Давайте поспорим, солдаты, что мы богаче вас. Вот у одного меня только двадцать пять пачек лучших сигарет и сто тридцать пезет в кармане.

Воцаряется тишина.

— И я, рядовой боец республики, жертвую все это вам. Согласны?

В окопах врага молчание.

— Неужели заснули на фронте? — кричит в рупор Панчовидио и повторяет свой вопрос: — Ну, ответьте же, согласны или нет?

Какой-то робкий голос начинает с той стороны:

— Можем менять на консервы.

Выслушав это предложение, мы громко смеемся, давая понять врагу, что очень богаты.

— Консервов у нас еще больше, чем папирос, — отвергает сделку Панчовидио. — Мы не коммерсанты и жертвуем вам безвозмездно.

В окопах, должно быть, совещаются, и через минуту мы слышим:

— Пусть один из ваших идет с сигаретами.

Панчовидио весело орет в рупор:

— Я вам верю, что никаких гадостей вы не натворите и не изрешетите меня и мои подарки. — И он весело предупреждает: — Я выхожу и буду петь. При мне никакого оружия — только папиросы и мое жалованье.

Панчовидио поднимается и идет в темноту. Его с минуту провожает Луканди. Мы знаем, что у Панчовидио, кроме сигарет, еще около сорока номеров «Мундо обреро».

Проходят долгие минуты ожидания. Мы слышим песню Панчовидио — какие-то веселые куплеты, — но вскоре далекий голос исчезает. Мы все страшно взбудоражены. Сколько уже времени прошло? Тишина на той стороне. Если бы что-нибудь случилось, мы должны были услышать выстрел или крик.

Так проходит сорок минут. И вдруг опять слышны озорные куплеты Панчовидио. Он идет. Мы готовы кричать, приветствуя нашего друга. Темнота не дает нам разглядеть его. Но вот и Панчовидио. Он спотыкается у самых наших траншей и комически рапортует:

— Тридцать восемь номеров «Мундо обреро», двадцать пять пачек сигарет и сто тридцать пезет розданы благополучно.

И наш весельчак вытаскивает вещественные доказательства пребывания в окопах врага: две марокканские фески и одну солдатскую шапку.

— Подарок на долгую память, — разъясняет наш окопный агитатор происхождение головных уборов.

— Bravo, друг! — поздравляем мы смелого товарища, и каждый из нас старается обнять нашего Панчо, пожать ему руку и похлопать по плечу.

МОЙ ПЕРВЫЙ ПЛЕННЫЙ

Тогда мы были еще только горячими бойцами и плохими стратегами. Нам казалось, что нет точки выгоднее Лас-Наваса на всей Гвадарраме, и установи здесь побольше батарей — республика в безопасности. Но пушек и знаний было мало в те дни, а враг все подвозил боеприпасы и делал это почти в открытую, с хвастливой откровенностью.

Из отелей курортного городка, где бойцы любовались в свободные часы безупречной линией белых вершин, мы переехали со всем нашим шумным хозяйством на постоянное жительство в окопы. В Лас-Навасе остались только артиллеристы — медики, философы и земледельцы, уже успевшие переквалифицироваться под командой Салинаса, который попрежнему носил дырявый свой дождевик, за что любители прозвищ окрестили его: «Капитан-плав». Четыре пушки оберегали Лас-Навас, и лучшей из них считалась попрежнему та, которую обслуживал оружейный расчет профессоров математики Мадридского университета.

Ежедневно в пять утра — эта пунктуальность продолжалась около десяти дней — противник начинал артиллерийский обстрел. За этой огневой подготовкой не следовали ни пехота, ни танки, ни авиация.

— Бедный земной шар, тебе, наверное, здорово больно, — хрипелся наш маленький Гафос, при каждом выстреле поправлявший свои очки. — Снаряды мятежников тебя нещадно лупят. — И Гафос кричал в сторону невидимых артиллеристов врага: — Ну и стрелки! Пойдите лучше к Салинасу, он вам преподаст пару уроков наводки.

У мятежной артиллерии появилась уже какая-то традиция — начинать стрельбу ровно в пять.

— Я знаю, в чем дело, — сделал как-то шутовское открытие Попэй. — Они не хотят, чтобы мы проспали чудесную картину рассвета.

Совершенно непостижимая канонада в горах, где даже винтовочный выстрел громоподобен, усиливаясь здесь во стократ, не причиняла нам, однако, никакого ущерба. Враг, должно быть, щадил отели под пестрыми вывесками Лас-Наваса, где надеялся сам вскоре отдохнуть, но по окопам нашим никак не мог пристреляться, и мы были немало удивлены такой бесцельностью огня. Эти ежедневные «сигналы», которые не давали спать, были прозваны нами «сэрэно». С нашей легкой руки по фронту пошло гулять это словечко, приобретшее новое значение. «Сэрэно» — так называются в городах и деревнях Испании ночные сторожа. Сельские сэрэно в определенный час оповещают о погоде.

— Полночь, — произносят они нараспев, обходя уже спящие улицы, — сейчас полная луна и так холодно, что подошва стучит по мерзлой земле, как по железу.

Но сэрэно в деревне не только «метеорологический вестник», но и своеобразный будильник. Сэрэно знает, когда и кого нужно поднять. В Лас-Навасе — прифронтной полосе — у нас оставался такой старик, который никак не мог понять, как это мы обходимся без его услуг и поднимаемся все в один и тот же час. Назойливую артиллерию противника, ежедневно напоминавшую о себе в определенный час — в пять утра, — мы и прозвали сэрэно.

Утренняя артиллерийская стрельба поднимала не только нас с земляных и сырых постелей околов. Как только затихали орудия врага, мы слышали гортанную, заунывную молитву марокканцев. Они неутомимо и долго взывали к небу с этой непонятной и чужой им земли. С молитвой на устах марокканцы чувствовали себя словно за броней и выходили из-за прикрытий. Они, должно быть, верили, что нет силы, которая может поразить их, когда они разговаривают со своим богом. Луканди нас постоянно предостерегал:

— Только провокатор может выстрелить в эти минуты по врагу.

Эстремадурицы ворчали, — уж очень соблазнительна была мишень в такие минуты, — но наш чудесный командир ползал по траншеям, неутомимо призывая к благоразумию.

— Пусть приседают, черт с ними! — с грубоватым добродушием соглашались под конец наши бойцы-крестьяне. Они были очень правдивы в своей ненависти. — Но почему же мавры поднимают такую пулеметную трескотню, когда мы поем «Интернационал»?

Три ураганных дня нам довелось провести в траншеях. Невозможно было даже приподняться, и мы на коленях проставляли в окопах, не решаясь высунуть головы.

— Не получили ли они в наследство заводы Круппа? — не переставал острить й в эти дни Панчовидио.

Хулиан Палатинос — наш знаменитый легкоатлет, прозванный Маргаритой Сиргу за неподражаемую имитацию голоса известной испанской актрисы, — клялся, что впервые за всю свою спортивную жизнь у него такой длительный перерыв без тренировок. Он даже на фронте умудрялся выкроить несколько минут для маленького кросса, а здесь уже три дня приходится лежать на дне траншей.

— Ведь я уже забыл, что такое встать во весь рост! — сокрушался Хулиан и зло ругался.

В эти дни окопной жизни мы часто слышали, как надрывно и продолжительно кашлял наш Луканди. Батальонный врач заботливо предлагал ему какой-то порошок, но Феликсе отказывался от всякой помощи. Наконец, когда врач сказал, что не уйдет, пока Луканди не примет лекарства, капитан добродушно пробормотал:

— Вы чрезмерно доверяете этому далеко не чудотворному

Мы любим получать и писать письма и в свободные минуты посвятить большие строки нашим родным.

порошку. — И Луканди, строго напоминая врачу о всей ответственности, которую тот несет за разглашение военных тайн, отозвал его в сторону и сообщил о своей давнишней и страшной болезни, сейчас обострившейся в окопах, — туберкулезе.

— Не беспокойтесь, — весело бормотал капитан, прочитав в глазах врача, что нет средств для его спасения. — Обещаю вам не умереть от туберкулеза. Но никто не должен знать о моей болезни. Вы понимаете, что ни один боец не пойдет за больным командиром, — уже строго предупреждая Луканди и заключая: — вот почему мой туберкулез — почти военная тайна.

У нас эта тайна не осталась долговечной. В батальоне было много бойцов, ушедших с последних курсов медицинских факультетов, и они без труда распознали происхождение глухого и непрерывного кашля их командира. Вскоре все уже знали о болезни Луканди, но никто из нас и не подавал вида, что хранит разгаданную тайну. Только сам Луканди, когда мы начинали вдруг вспоминать Лас-Навас, где так прозрачен и чист воздух, подозрительно на нас поглядывал. Отныне мы все считали, что беречь командира — обязанность каждого из нас.

Однажды я перестарался. Рохос — боец моего подразделения — получил письмо из деревни. Ему писали о болезни матери, о разрушениях, произведенных воздушным налетом «капрони» и «юнкерсов». Деревня Рохоса — пригород Мадрида. Боец попросил Луканди отпустить его на два дня домой.

— Я не видел свою мать больше двадцати лет, — ответил командир, — и, поверьте мне, очень хотел бы ее обнять. Но если все мы вдруг захотим во время войны навещать наших матерей, в окопах никого не останется.

Через несколько минут Луканди мне рассказал о разговоре, происшедшем у него с моим бойцом, и, сожалея, сообщил, что поступил не так, как ему хотелось бы.

— Пожалуй, уж очень резко я ему отвечал, — сокрушался наш добряк.

Я хорошо знал все чудесные качества Луканди. Я видел, как он накрывал бойцов своим одеялом в холодные ночи, как отдавал последнюю банку консервов, уверяя всех, что сам он очень сыт. И вдруг он отказывает в просьбе Рохоса! Это было непостижимо. Бойцы, зная доброту своего командира, никогда не злоупотребляли ею, и Рохос был единственный, обратившийся с рапортом об отпуске. Тогда, решив доставить приятное Луканди, я отпустил Рохоса домой.

Вечером, когда грузовик увез моего бойца по направлению к Мадриду, я радостно сообщил капитану о том, что он может уже не огорчаться — Рохос отпущен. Луканди пожал мне руку и сказал, строго посмотрев на меня:

— Сержант Диэстро, за нарушение дисциплины и превышение власти вы получаете трое суток ареста.

...Две недели мы провели в траншеях. За все это время были

Это батарея правительственной артиллерии на фронте Гвадаррамы.

только две атаки противника, отбитые нами. Потери наши были незначительны: несколько раненых и один убитый — студент Куартеро, очень храбрый боец, погибший из-за своей беспечности. Мы горестно переживали эту смерть. Куартеро всегда казалось, что храбрость и беспечность неразделимы. Он погиб, поднявшись во весь свой рост, кивая «непроницаемостью».

— Он, должно быть, не любил ни нас, ни себя, ни наше будущее, если мог так относиться к жизни, — сказал Луканди.

Мы анализируют причину длительного пребывания на месте. Наша артиллерия еще очень слаба и не может помочь нам в продвижении вперед. Но вскоре Салинас разбогател — в Лас-Навас прибыли новые орудия, — и после сильной артиллерийской подготовки мы впервые за эти долгие дни покинули траншеи. Задачей нашей было — занять высоту 1780.

В это утро — нам об этом донесла разведка — больше половины солдат противника ушло из траншей на разгрузку боеприпасов. Салинас прекрасно пристрелялся по грузовикам и безошибочно бил, разрушая запасы врага. Это и был долгожданный сигнал к атаке, и мы провели ее на едином дыхании. Полторы тысячи метров, отделившие нас от первых окопов мятежных войск, мы пробежали, зная подошвами, подбитыми большими гвоздями. Этот металлический шаг нас как-то бодрит, и от громкого топота казалось, что нас очень много — больше, чем на самом деле. Все это время не угасал веселый голос Луканди. Короткими призывами: «Друзья, вперед!», «Скоро мы их добьем!» — он хотел нам внушить, что для нас нет преград. Совсем близко у траншей первой линии, заставив меня на секунду чуть ли не впасть в землю, поднялся из-за каменной наrapета во весь свой огромный рост марокканец. Он испугался еще больше, чем я. Коверкая испанский и делая его похожим на понятный ему жаргон, я крикнул:

— Бросай оружие!

Он послушно опускает винтовку и поднимает руки. Тогда я замечаю, что на поясе у него висит редчайший марокканский нож, которым обычно награждают храбрых воинов. Это смертоносное оружие сделано из чистого серебра. Я знал о существовании таких ножей.

— Отступи, — спокойно приказываю я мавру, и гнев мой выдыхается. — Отступи одной рукой и брось на землю.

Он нехоту и медленно отстегивает от пряжки свое оружие и бросает его к моим ногам. Я нагибаюсь, не опуская винтовки, направленной на мавра, и поднимаю мой трофей.

Я уже видел и до этой неожиданной встречи пленных противников. Но никогда я не встречался с ними так, как сейчас, — лицом к лицу. До сих пор все мои враги или стреляли в меня, или бездыханно падали на землю. Сейчас враг — мой пленный и стоит предо мной. Я его застаю итти к прикрытиям, где группа наших бойцов будет охранять влятых нами в плен. Через не-

сколько минут, сдав марокканца, я возвращаюсь вновь. На плече у меня висит трофейная винтовка, и я уже успел подвесить к поясу серебряный нож. Мне очень весело, и я мчусь сейчас один, догоняя ушедших вперед товарищей. Нужно пробежать еще полтора километра после первых окопов противника, и тогда мы достигнем высоты 1780. Невидимый пулемет, умело скрытый, косит по нашим рядам. Я нахожу Луиса Дельбаля — моего лейтенанта. Он рядом с Луканди в длинной нашей цепи, пробирающейся от прикрития к прикритию, использующей каждый камень и дерево. Луканди указывает мне на еще неопределенную пока точку и предлагает:

— Нужно обнаружить и уничтожить.

У меня бинокль. Я стараюсь рассмотреть, где этот скрытый враг. Нет, здесь нельзя доверяться только зрению. Я опускаю бинокль и на слух хочу определить, откуда льется огненная струя. Я ползу. Мне кажется, что это уже правильный след. Да, я угадываю. Но сумею ли я один, с одной только гранатой заставить замолкнуть пулемет врага? Мне не хочется возвращаться обратно, и я продолжаю продвигаться ползком. Пули над самой головой. Но вот уже рядышком ударяется острая струя пулеметной ленты. Неужели меня заметили? Нет, это мне кажется. Но почему так неожиданно тяжелеет винтовка в руке? Я стараюсь приподнять ее и не могу. Бесмысленная попытка. Тогда я бережно кладу оружие возле себя и щупаю правую руку. Как я не заметил этого раньше? Рукав комбинезона, как губка, пропитан уже кровью. Я ползу обратно и, оборачиваясь, стараюсь определить направление огня. Лес неожиданно делается густым, и вместо одного дерева на глазах вырастают сразу десять. Я чувствую страшную сонливость. Нужно ползти как можно быстрее. На мне две винтовки. Глухой шум в ушах, как будто бы я нырнул и плыву под водой. Нужно пересидеть потухающую волю. Я кричу, но не слышу своего голоса. Я только чувствую, как приближается огромная гора...

...Кто-то поднимает мою голову, и я вижу большие серые глаза Луканди с рыжими огоньками.

— Шестьсот метров... вот за тем камнем, — успеваю сказать я. Луканди понимающе кивает.

...Как хорошо в окопах! Я не замечал прежде, что так тепло и уютно на дне траншей. Мне рассказывают, что высота 1780 уже взята нашими. Я спал три долгих часа. Рука давно уже забинтована и не так болит, как раньше. Только кружится голова, но это от потери крови.

Вскоре приходит машина и увозит нас — нескольких раненых — в Мадрид. Мне очень хочется повидать брата, но он далеко, на высоте 1780. Никто еще оттуда не возвращался, и, когда мы отъезжаем, я кричу друзьям:

— Передайте Альберто, пусть дерется за двоих. Я скоро вернусь.

ГОСПИТАЛЬ «ОФТАЛЬМИКО»

Наша маленькая туристская машина, превращенная в санитарную, мчится по шумным улицам Мадрида. Вот уже прошли Кастильяно с пышными дворцами, и я стараюсь не пропустить дома № 56.

— Не так быстро, — прошу я шофера сбавить скорость.

Сколько бы ни прошло времени, какие бы события ни стряслись, никогда не забыть нескольких минут, проведенных в этом доме, откуда я вышел настоящим бойцом — с винтовкой на плече и удостоверением народной милиции в кармане.

Я сижу с шофером и киваю на этот дом, где впервые увидел Луканди, и серое здание неожиданно приобретает огромный интерес в глазах водителя «санитарки».

— Скоро «Офтальмико». Тебя вылечат там в один день, — обещает он мне.

Вот, оказывается, куда собириются отвезти меня, — к окулистам!

— Да ты перепутал всё на свете. Зачем мне «Офтальмико»? — и я показываю шоферу на перевязанную руку.

Но мой провожатый с видом знатока поясняет, что все больницы Мадрида заняты только одним — лечением раненых, и глазная клиника «Офтальмико» тоже превращена в военный госпиталь.

— Я тебя везу в лучшую, — успокоительно бросает знаток больниц.

Мы проезжаем по улице, параллельной той, где я живу, — отсюда совсем близко до моего дома, и я думаю о том, что неплохо было бы забежать туда на минуту и оставить сестрам марокканский нож.

— Отберут, как ты думаешь? — и я протягиваю на осмотр мой трофей.

Шофер дает мне десятки разнообразных советов, как убереечь нож, и рассказывает какую-то фантастическую историю о раненом солдате, умудрившемся спрятать ручной пулемет под матрац.

— Это твое, — говорит он уверенно, — и ни один «помощник смерти» не может отнять у тебя нож.

Нетрудно распознать в водителе анархиста. Он мне бубнит всю дорогу об ошибках наших командиров, придумавших «могилы для живых» — окопы и траншеи, — и уверяет, что «испанец слишком горд, чтобы еще на этом свете лежать в земле».

— Видишь, вот и результаты, — и он хлопает меня по раненой руке.

Шофер презрительно именуется врачей «помощниками смерти», и, когда мы подъезжаем к больнице, он дает мне прощальное указание — «защищаться до последнего».

Но вот и строгий пятиэтажный госпиталь «Офтальмико».

У госпитала санитары бережно выносили раненых из машины.

В тот день я не думал, что через несколько месяцев снова попаду сюда, под эту вывеску, с безнадежной раной. Санитары ждут нас у входа. Среди юношей и девушек в белых халатах — немало знакомых. Правда, мы не знаем друг друга по фамилиям, но все это студенты Мадридского университета, и совсем еще недавно мы часто встречались.

— Спасибо, — говорю я, когда предлагают носилки, — мне нетрудно дойти и самому.

Я всматриваюсь в лица женщин в белых халатах. Не найду ли я среди красных сестер мать Франсиско Уренья? Она работает в каком-то госпитале Мадрида, и наш Понэй острял, что четвертый батальон может быть спокоен: у него есть теперь свой посредник между жизнью и смертью.

Большая, с высоким потолком и белыми стенами палата уставлена кроватями. Моя постель у самого окна, и нужно пройти всю комнату. Но это не такой уж легкий маршрут. Десетки запросов несутся со всех сторон. Я останавливаюсь, не зная, кому ответить раньше. Раненые спрашивают о судьбе своих друзей, называют имена, которые я никогда не слышал, и немало удивлены, когда я сообщаю наконец, что никого из их приятелей не встречал. Тогда начинается анкета: откуда я, где дрался, в какой партии состою, хорош ли мой командир, опасна ли рана и есть ли у меня мать. Вопросов не перечесть. Сестра Хулия, студентка философского факультета, работающая здесь без устали, сообщает мне о неизбежном допросе каждого новичка. Всех встречают одинаково, и я обязан отвечать. Мои соседи — легко раненный мальчишка шестнадцати лет и взрослый крестьянин, о котором с грустью успевает предупредить Хулия, что он уже без ног. Мы знакомимся.

— Педро, — говорит крестьянин, протягивая руку

— Пэпэ, — старается как можно серьезней отрекомендовать сы мальчик. — Я разведчик.

Мне остается сообщить им свое имя, и мы уже друзья.

— Знаешь ли ты Листера? — Педро испытующе смотрит, стараясь сравнить меня неожиданным вопросом.

Кто в республике не знает этого боевого организатора и командира геронического 5-го полка!

— Слышал, — отвечаю я с притворным равнодушием.

— Мы с ним служим вместе, — сообщает мне Педро и продолжает пристально смотреть, желая выяснить, какое же впечатление произвело на меня это сообщение.

Мне подмигивает Пэпэ, и мы уже с ним в заговоре. Жестами он дает мне понять, что я правильно разыгрываю свою роль и должен дальше оставаться таким же равнодушным. Я молчу. Тогда Педро тайно мне сообщает, что он участник боев у Морато де Тахунья. Тут я изображаю полное неведение.

— Это историческая деревня, — поясняет Педро, — се грозит взять Кейпо де Льяно, но Листер его обставил.

Среди сестер госпиталя «Офтальмия» работала и жена президента нашей республики Асафия. На этом снимке она во время дежурства.

Педро хохочет и рассказывает мне, как болтливый фашистский генерал вещал по радио, что любимое его вино делают в деревушке Морато де Тахунья и он в один день займет эту деревню, чтобы попить вина.

— Тогда наш командир сказал, что вкус совпал: рабочие и крестьяне, оказывается, любят то же вино, что и генерал Кейно де Льяно.

Палата смеется. Должно быть, не в первый раз раненые бойцы слышат эту историю из уст Педро.

— И ты знаешь, что сделал Листер? Он послал телеграмму в Севилью. «Генерал, — писал наш командир, — Морато де Тахунья еще никем не занята, но мы ее решили взять раньше потому, что после вас мы рискуем уже ничего не найти в винных погребах».

— И действительно вино вкусное? — осведомляется чей-то голос с другого конца палаты.

— Мечта, разлитая по бутылкам, — с серьезным видом отвечает Педро. — Но мы не пьянцы, — иравоучительно объявляет мой сосед. — Взяв Тахунью, мы отпили только глоток, и то за победу республики.

Сестра Хулия стоит тут же и добродушно улыбается.

— Вот вам и народный эпос, — говорит она мне тихо. — Вы здесь наслушаетесь чудесных историй.

Врач находит, что рана моя не опасна, но меньше чем в две недели ее не излечить. Тогда я составляю список книг и вручаю

его Хулиа. Не успев прочитать до конца, она сочувственным тоном обещает:

— Ну, что ж, если вы решили стать здесь академиком за пятнадцать дней, я помогу вам в этом.

В моем списке почти двадцать названий специальных книг по военным вопросам.

Назавтра Хулиа появляется в палате с огромной связкой. Вооружившись карандашом, я немедленно приступаю к двум совершенно новым занятиям, но одинаково нелегким: письму левой рукой и «Особенностям боевых действий пехоты в горах и лесистой местности».

В госпитале дружат так же трогательно, как и в окопах. Все готовы поделиться последней папиросой, вслух читают письма, рассказывают сны, и по рукам ходят фотографии невест, матерей и сестер. Педро болезненно воспринимает шум. Мы это знаем и стараемся соблюдать тишину, когда видим его страдания. Три раза в день нам передают радиосводки о положении на фронтах. Тогда поднимается, стараясь присесть, Педро.

— Так лучше слышно, — говорит он нам, когда мы хотим уложить его поудобнее.

Он плачет от радости, когда благоприятны новости, и посылает страшные ругательства, если враг продвинулся вперед.

Мать навещает меня ежедневно. В восемь утра она уже у моей постели. И чем ближе день нашего расставания, тем тяжелее ее свертки, которые она приносит с собой. Мне очень хочется отблагодарить ее за эти заботы. Но у меня нет ничего, кроме марокканского ножа, который мне удалось с помощью Хулиа оставить при себе. В обмен на сласти я оставляю матери этот непонятный для нее подарок.

— От меня и Альберто, — вручаю я ей торжественно трофей.

Мои друзья по госпиталю очень довольны этой сценой, но мать несказанно смущена страшным преподношением. Тогда я нахожу практическое применение вооружению мавра — на нашей кухне, и только при этом условии нож уносится домой.

Кроме матери и сестры Хулиа, у меня еще одна частая посетительница. Это — мамаша Франциско. Она работает здесь же, в госпитале «Офтальмико», нежно называет меня своим вторым сыном и всегда находит время забежать сюда, хотя обслуживает другую палату. К каждому ее посещению я должен приготовить какой-нибудь рассказ о Франциско. Мать Уренья в курсе всех наших дел, знает о похождениях Панчовидио, о болезни Луканди, называет десятки имен бойцов и говорит о всех так подробно и задушевно, словно узнала о них не из писем сына, а давно со всеми знакома. Не знает она только никаких подробностей об одном бойце нашего батальона — о своем Франциско. О себе Полвэ ничего не пишет. Вот почему мне приходится выступать в роли добросовестного рассказчика. Ничто, кажется, не забыто, и мать моего друга бесконечно благодарна.

Но мать солдата не похожа ни на одну самую любящую и заботливую мать. Ни с чем несравнима ее любовь к сыну-бойцу.

— Вы, наверное, что-нибудь забыли? — ненасытна в своих вопросах мать Уренья. Она смотрит на меня и ждет новых историй. Я молчу и уже ничего больше не могу вспомнить.

— Франциско в том же свитере?

— Да, чуть не забыл! Как хорошо, что вы напомнили мне. — Я стараюсь быть предельно нежным и демонстрирую поразительную наблюдательность. — Наш Попэй побил все рекорды — он носит четыре свитера сразу.

Вот неожиданный повод для новых расспросов. Во всем виновата моя чрезмерная болтливость.

— Какой Попэй? — недоумевает мать Франциско.

Мне стоит огромных усилий уговорить мать моего друга, что прозвище это совсем не позорит храброго бойца Уренья и под этой кличкой он нам так же дорог, как и раньше.

Но вскоре сам Попэй оказывается рядом со мной. Он совершенно невредим и, шумно шагая по палате в непривычном одеянии — белом халате, — приближается к моей койке. В Мадриде он по заданию командира полка Маркоса. Попэй сейчас не только стрелок. Он шутовски рапортует:

— Товарищ сержант, вас приветствует в этом закрытом пансионе связист четвертого батальона полка!

Оказывается, мы чертовски богатеем и обзаводимся радиохозяйством. Для этого он и прибыл в Мадрид.

— Читай, — неожиданно предлагает Попэй и вытаскивает из кармана десятки клочков бумаги.

Это письма друзей. Диего де Месса в милом предисловии предупреждает меня, что все это самостоятельное и добровольное творчество его учеников, которые все свободное время отдают письмам и по-детски торжествуют, когда заполняют страничку. Здесь еще бездна орфографических ошибок, но я счастлив этим посланием друзей. Мы смеемся вместе с Попэем над одним письмом бойца-эстремадурца, который серьезным тоном предлагает мне «пощупать себя со всех сторон».

«Может быть, тебе показалось, Рамон, что пуля зацепила руку? Никто из нас не может поверить этому, — заключает он с крестьянским юмором, — потому что считаем тебя непробойным».

Я жадно спрашиваю Попэя о всех новостях. Крупных боев за эти дни не было, мы попрежнему на тех же позициях, отбитых у врага, изредка перестреливаемся и наводим уют в занятых траншеях. Короткая сводка Попэем вселяет веселье. У нас уже выработались свои измерения радости, которые непонятны еще тылу. Радость эта многогранна! взятие холма, который занимал до нас противник, день, прошедший без потерь, и даже две горячие картофелины, когда обозам не удастся подвезти продовольствие.

— Был разыгран Панчо, и так весело, что ржут и поныне, — с лукавым видом сообщает Попэй, — Хочешь, расскажу?

И Франциско, к которому с большим вниманием отнеслись мои соседи, умышленно громко начинает, чтобы слышали все. Это длинная история о том, как Попэй, желая проверить бдительность Панчо, бывшего в ту ночь в сторожевом патруле, объявил себя перебежником и, разговаривая чужим голосом, спрашивал на расстоянии в пятьдесят метров об условиях перехода на сторону республиканцев. Панчовидно гарантировал этому невидимому врагу — была темная, безлунная ночь — мир, свободу и обещал предать забвению все его грехи. Когда раскаявшийся враг уже должен был перейти — все сомнения были рассеяны, — Попэй виновато и робко вопрошает Панчовидно:

— Но я не просто солдат, я мятежный генерал. Не умертвите ли вы меня?

— Нет, — решительно, как клятву, произносит потрясенный Панчо.

— Тогда я иду к вам.

— Поднимите руки, — предупреждает на всякий случай Панчо.

Попэй идет с поднятыми вверх руками, и, когда Панчо уже совсем рядом, он ему шепчет:

— А ты, оказывается, не можешь отличить бойца-республиканца от мятежного генерала!

В палате все довольны рассказом моего друга и долго комментируют эту историю.

Уходит Попэй, и мне хочется как можно скорее в батальон. Я решительно требую у врача выписать меня досрочно. Он укоризненно качает головой и говорит:

— В таком виде вы еще никому не нужны. А ну-ка, сожмите пальцы в кулак, — неожиданно предлагает он мне.

Ничего не получается. Врач видит, как бесплодны попытки, и все же твердо обещает мне:

— Через пять дней, когда вы сумеете ударить кулаком по столу, — вот тогда мы расстанемся друзьями. Даю вам слово.

Значит, всего пять дней! Все мы испытываем непередаваемое чувство, когда нам обещают возвращение в часть. Ни с чем не сравнима эта «вторая служба», когда друзья в окопах встречают товарища из госпиталя. И особенно хотелось скорее на фронт, когда оглушительный и острый грохот поднял нас с постели — в предпоследнюю ночь моего пребывания в госпитале. Мы слышим зловеющий моторный гул в небе. Теперь и мы беспомощны и безоружны, разбужены ночью страшными звуками, несущими смерть. Вот когда мы ощутили на себе весь трагизм тыла. Врачи и сестры носятся по палатам, они щелкают выключателями, гася свет. Мы посылаем проклятия врагу, налетевшему на спящий Мадрид. Среди нас здесь и зенитчики и летчики, они особенно взбудоражены, и каждому из них кажется,

После бомбардировки фашистской авиацией рабочего предместья Мадрида.

что наши где-то медлят сейчас, и пусти их к батареям и самолетам, они бы проучили врага. Но вскоре стало тихо в палате. Тишина и за окнами. Улетели самолеты, сбросив свой смертоносный груз. Но мы долго не можем уснуть и лежим молча. Спит только мой маленький сосед Пэпэ, раненный в руку. Он

долго что-то бормочет во сне и неожиданно во всю палату пронзительно кричит:

— Наступайте на этот пудемет... Не надо бояться...

Палата молчит и прислушивается к возбужденному голосу шестнадцатилетнего бойца. И всю ночь он ведет в бой воображаемое свое подразделение.

Вот и пятнадцатый день. Я возвращаю Хули стопку уже прочитанных книг. Сегодня мать не придет ко мне. Из госпиталя я забегу домой, где ждут меня друзья и родные. Правда, и не стучу еще кулаком по столу, как обещал врач. Но карандаш уже перенесен из левой руки в правую, и я это демонстрирую медперсоналу при обходе палаты. Сегодня я выписываюсь. Мы шумно обмениваемся адресами с товарищами по палате. У меня список доброй половины всех крупных городов Испании и многих деревень. Мы серьезно обещаем друг другу предпринять экскурсию по этим городам и селам сразу же после последнего выстрела на фронтах. Я уношу с собой фотографии многих раненых. Мой сосед Педро снят с двумя своими сыновьями. Безногий боец, он на этой фотографии изображен еще во весь рост.

— Видишь, — говорит он, даря мне эту реликвию. — Я не всегда был таким, как сегодня. — И роняет, показывая на сыновей: — Они еще отомстят за отца.

Нужно быть чертовски сильным, чтобы уйти отсюда с сухими глазами. Педро резко поворачивается спиной к нам, и мы молча за ним наблюдаем. Мы знаем: Педро плачет. Я дохожу до дверей и поднимаю кулак.

— Вивва республика! — посылаю и последний привет моим друзьям.

Вся палата поспешно и взволнованно отвечает:

— Вивва!

В кармане у меня свидетельство госпиталя. Рука еще на повязке, но это не больше чем на два-три дня. В удостоверении сказано, что сержант такой-то оправдся от ранения и годен для фронта. Дома я провожу всего несколько часов. Моя старшая сестра нагружает меня трогательными подарками для моих друзей по батальону. Ее маленькие ученицы — сестра была директором педагогического института, а сейчас в ее учебном заведении живут и учатся дети бойцов — связали нам шерстяные носки и перчатки. Мать заставляет испробовать все приготовленное ею, словно старается накормить меня до самого окончания войны.

— Мама, это невозможно, — говорю я ей. — Поверь, завтра я опять захочу кушать.

Я с трудом поднимаюсь из-за стола и уговариваю отложить провода, — все хотят дойти до казармы, где я должен получить машину в Лас-Навас. Наконец отражена и эта последняя семейная атака. Я иду в штаб, предъявляю свидетельство о выздо-

Наш командир полка товарищ Маркос.

ровлени и, получив скоро место в машине, мчусь по направлению к Гвадарраме.

Непрерывная канонада встречает нас в пути. Когда мы въезжаем в Лас-Навас, поражает полное отсутствие людей на улице. Я иду в штаб полка, и приветливый товарищ Маркос — первый, кого я встречаю. Он дружески жмет мне руку и, улыбаясь, сообщает:

— У меня приготовлены для вас две звездочки.

Две звездочки — это знак лейтенанта. Командир полка поздравляет меня с повышением в чине и извиняюще объясняет:

— Обстановка не позволяет, к сожалению, произвести все с необходимой по уставу торжественностью.

Я очень рад этому стечению обстоятельств. Больше всего меня пугала церемония посвящения в чин. И Маркос замечает еще оставшуюся у нас в армии декоративную парадность несколькими деловыми и товарищескими пожеланиями. Командир полка передает мне содержание приказа военного министра и прикрепляет к рукаву моего комбинезона две звездочки.

— А теперь посидите в штабе. — И он в двух словах рассказывает мне о начавшейся два часа назад ожесточенной артиллерийской подготовке.

Я чувствую по тревожному лицу Маркоса, что он знает больше, нежели может сказать. Он просит меня остаться здесь. Я начинаю упрашивать командира полка отпустить меня в окопы, и мне удается уговорить его.

— Теперь вы человек много семейный, — говорит на прощание о моих командирских обязанностях Маркос, — и у вас не маленькая семья — пятьдесят человек. Берегите их всех. — И он протягивает мне руку.

Лейтенант штаба идет со мной к домику, превращенному в склад оружия, и передает распоряжение командира списать с меня винтовку и выдать автоматический пистолет. Эта процедура — пока я расстаюсь с винтовкой бойца и сержанта и получаю револьвер — занимает добрых двадцать минут. Потом я иду по хорошо знакомой мне дороге к нашим окопам. Здесь стелется дым, земля разворочена уже больше, чем пятнадцать дней назад, и в горле першит от непривычного после длительного перерыва запаха серы. Орудийный грохот нестерпим. В бой ввязываются пулеметы. Прежде чем я успеваю различить в далеких окопах моих товарищей, проходит полчаса быстрой ходьбы. Кто-то машет в мою сторону красным платком; меня узнают по белой повязке, выделяющейся на синем комбинезоне. Я бегу к окопам, в которых засел четвертый батальон. Вдруг я слышу, как по чьей-то команде грянула шуточная песенка на мотив пионерского марша «Соммос пионерос». Я у самого окопа, и друзья, подхватывая меня на руки, влекут вниз. Весельчаки прыгают на одной ноге и держатся за ухо, — так у нас исполняют эту веселую песенку. Луканди обнимает меня, в руках у него красный платок. Это он приветствовал меня. Шумная встреча происходит при страшном артиллерийском грохоте, в мокром от снега и дождя окопе. Только Попэй серьезен и не участвует в веселье. Наш «профессор чистоты» еще больше растолстел, неопрятно грязен и по колено погружен в воронку, вырытую снарядами. Яма наполнена водой, но Попэй невозмутим в своей новой

роли связиста. В руках у него телефонная трубка, и он только безмолвно кивает мне в знак приветствия.

— Тебе везет, — кричит Феллсе: — с госпитальной койки прямо в бой!

Луканди берет меня за рукав и отечески говорит:

— Поздравляю со звездочками, товарищ лейтенант.

Мы пробираемся по окопу, и капитан подводит меня к моему взводу. Под свист пуль и снарядный вой Луканди обращается к бойцам. И хотя мы все знакомы, он представляет меня — нового лейтенанта. Не знаю, как длинна была бы речь, если бы рядом упавший снаряд не прервал Луканди. Мы застываем, захваченные врасплох этим неожиданным попаданием. Место, где только что стоял Попэй, разрушено и неузнаваемо. Мы еще глубже присели в окопе, придавленные потоком воздуха от пронесшегося над нами снаряда. Неужели убит наш Франциско? Большая лужа вдруг начинает шевелиться, и, весь мокрый, облепленный грязью, поднимается Попэй. В руках у него по-прежнему трубка, он невозмутимо кричит что-то и наконец прыгает к нам в окоп и передает Луканди, который пробирается к нему, короткую телефонограмму штаба:

— Подпустить противника на триста метров и уничтожить.

Луканди громко и протнжно призывает:

— Прекратить разговоры!

Воцаряется тишина, и мы ждем, что скажет сейчас своим бойцам капитан четвертого батальона.

ВЗЯТИЕ СЕРРА КАРТАХЕНА

Идет мокрый и густой снег, под ногами грязь.

Мы безмолвны и неподвижны. Пулеметный град пронесется над окопами. Невидимый враг еще не пристрелялся. Со звонким гулом, поднимая колочие каскады разбитого камня, ложатся снаряды. Артиллеристы работают лучше пулеметчиков, — это мы вынуждены признать с сожалением.

— Не начинать стрельбу без приказа, — предупреждает наш командир, — и главное — попадать лучше, чем враг.

Вот и вся его речь. Какое-то неразгаданное умение у Луканди! Даже сейчас, когда смертоносными звуками наполнен воздух и только минуты отделяют от вступления в бой, Луканди заставляет всех нас улыбнуться. Он произносит этот короткий призыв значительным и глубоким голосом, дважды поворачиваясь то в одну, то в другую сторону. Когда бойцы слушают своего простого, скромного «глухаря», невеселые чувства, которые овладевают людьми, исчезают.

— Умеет наш старик разогнать тоску. Вот человек! — говорит мне восторженно Панчо. И от имени всех нас громко отвечает капитану: — А мы плохо не умеем стрелять, товарищ Лу-

канди, да у нас и патронов не так уж много, чтобы не попасть в цель.

И вот мы в ожидании приказа о начале стрельбы. Одинокий выстрел, пусть даже случайный, всегда находит много подражателей, и мы, во избежание такой беспорядочной перестрелки, следим друг за другом. Бойшы спокойны, как никогда, а ведь не было такого страшного по силе огня ни перед одним еще боем. Враг уже недалеко. Большой холм — очень выгодное прикрытие — скрывает противника. Оттуда уже посылаются mortarные снаряды. Никто из нас не шелохнется. Каждый давно выбрал свое место и врос в окоп. Неприятель уже нащупал наши траншеи. Снаряды разрываются в катастрофической близости. Земля сотрывается, и все это так напоминает какое-то адское извержение, что наш Гафос чертыхается и шепчет мне:

— Да это же настоящий Везувий!

Окоп вдруг делается глубже, мы куда-то сползаем с насиженных мест. Перед глазами встает непроницаемая земляная завеса, и громовыми раскатами в ушах отдается уже не канонада, а страшный стон.

— Остаться на месте! — призывает Луканди, когда бойцы со всех сторон ринулись к нам на помощь.

Мы поспешно оттребаем землю и вытаскиваем наших товарищей. Снаряд угодил на сей раз точно. «Берегите вашу новую семью», вспоминаю я в гуле напутственные слова Маркоса. Как скоро, однако, смерть посетила нас! Я еще не знаю даже имен этих первых моих погибших товарищей по взводу. Сержант упавшим голосом перечисляет их. Трое убитых и семеро раненых. От горестных мыслей нас отвлекает Луканди.

— Внимание! — кричит он по окопу. — Не будем печалиться, друзья. Нас немало уже мертвых, но живых нас больше. — Он это произносит, как агитатор, с неукротимой силой и мужеством.

Да, живых нас больше! Часто мне приходилось потом вспоминать эти слова Луканди.

...Нас избрал, должно быть, враг для встреч только с марокканцами. Знакомым построением, подбадривая себя гортанными и совершенно неподражаемыми звуками, несутся мавры. Все это нас не пугает, — мы это слышали и видели. Главное — правильно рассчитать. Вот оно, мгновение, интуитивно угадываемое. Сейчас, когда все мы избрали себе мишени и готовы даже без команды начать бить по врагу, слышится голос командира батальона:

— Огонь, друзья!

Все, что есть у нас, — маленькие пушки, бьющие прямой наводкой, мортиры, пулеметы, ружья, — шумно исполняет этот приказ. Здоровой рукой и я стараюсь принять участие в сражении. Наш противник не признает ни маскировки, ни прикрытий, разбросанных на его пути к нашим траншеям. Недовкие пальцы ле-

Бойцы отбивают атаку фашистов.

вой руки сжимают курок, и, кажется, не нужно быть здесь метким стрелком, чтобы попасть в того, в кого целишься. Пренебрежение к смерти — мавры бегут не сгибаясь — нас попережнему потрясает, заставляя содрогаться. Их и сейчас, должно быть, кормят еще старыми баснями: «У красных ничего нет, кроме палок и охотничьих ружей». Луканди с яростью выбрасывает слова:

— Огонь, друзья!

Человеческие массы, несущиеся на нас, падают все чаще, пораженные нашим свинцом. Нам нужно отбить атаку — это единственная задача, и мы без устали заряжаем и стреляем. Только одиночки добегают до окопов, остальные прекращают свой безумный бег еще в начале трехсотметрового пространства.

Два часа продолжался бой. Мы не ушли из траншей. Враг не дошел до наших окопов. Оглушенные ураганным огнем, черные от грязи и усталости, мы молча сидим в земляных шшах, вслушиваясь в тишину. Она наступила неожиданно. Мы застыли. Рядом с нами лежат наши мертвецы, и мы смотрим в их лица и чувствуем, что нет предела нашей ненависти к врагу. Исчезает усталость, и, как никогда, хочется идти вперед и слышать короткую, как мгновение, команду Луканди: «Огонь, друзья!»

Нас всего сорок. Три сержанта, я, остальные — рядовые бойцы. Это люди моего взвода. Мы идем вперед, чтобы подобрать оружие, подсчитать трофеи. Батальон остался в окопах. Еще одна ночь, и завтра нас сменят. Сорок человек разбиваются на четыре отряда. В условленное место мы приносим оружие, снятое с убитых марокканцев и брошенное бежавшими. За камнями шевелится какая-то фигура. Мы припадаем к земле.

— Бросайте оружие! — кричу я невидимому еще человеку.

Мне отвечают на хорошем испанском языке, и в тоне чувствуется усмешка:

— Не пугайтесь, вас так много, а нас всего трое.

Опасность здесь крутом, на этом поле недавнего боя, и мы, соблюдая осторожность, подходим к камням...

Молодой офицер в форме регулярной фашистской армии полулежит за прикрытием. Рядом с ним два марокканца. Офицер ранен и, видно, не в силах подняться. Его лицо удивительно мне знакомо. Но где я видел его? Я силюсь вспомнить, и в это время раздается усталый и попрежнему насмешливый голос:

— Я не ожидал, что меня подберет мой коллега.

Коллега? Да, я вспомнил этого худощавого юношу. Монархист, студент Мадридского университета, кичившийся своим родом и преданностью изгнанному королю.

— Не узнаете?

— Нет, узнаю. Вы были на последнем курсе коммерческого факультета.

Он прикладывает руку к несуществующему головному убору и говорит, прича усмешку:

— Вы уже лейтенант, Диестро?

Я не пользуюсь своим правом победителя и вежливо предлагаю врагу:

— Если вы устали, мы вас доставим до Лас-Навас на санитарных носилках.

Вместо ответа он задает вопрос:

— Вы тоже ранены? — и он кивает на мою повязку.

— Да, я ранен, но не серьезно.

— Очень жаль, — искренне сожалеет о моем легком ранении фашист.

Я продолжаю обход поля и оставляю двух бойцов возле офицера и марокканцев.

На обратном пути я подхожу к этой группе. Студент-фашист напыщенно и длинно говорит о судьбах Испании.

— Посмотрите, — отвечаю я ему, выслав лекцию о патриотизме, — посмотрите на ваше войско и на армию испанского народа. У вас — наемные марокканцы, у нас — только испанцы. Вы продаете Италии и Германии свою страну, а мы кровью расторгаем эту постыдную сделку. Пойдемте, — предлагаю я «коллегам» и меняю тон: — Я вас сам отведу в Лас-Навас и представлю в штабе.

Он с трудом поднимается и снова отвергает носилки. Единственно, что он готов принять от меня, это папиросы.

— Не откажите перед расстрелом, — говорит он, кривляясь.

Несколько моих бойцов и я сопровождаем маленькую группу пленных. Я веду душешную беседу с моими подчиненными, и фашист с горечью роняет:

— Я не думал, что у вас дисциплина и дружба. Мы были уверены, что у вас анархия.

Мы шли долго. В Лас-Навасе был уже Луканди. Его срочно вызвали в штаб на совещание. Я сдал пленных нашему командиру и вернулся в траншею. Здесь мы провели ночь и утром, дождавшись сменного батальона, ушли на отдых в Лас-Навас.

Положение колонны Мангады ухудшалось. Навальпераль, ко-

торый мы охраняли со стороны Лас-Наваса, подвергся сильной атаке с другого направления и был почти разрушен воздушной бомбардировкой. Когда четвертый батальон прибыл на двухдневный отдых, улочки Лас-Наваса были заполнены неизвестными бойцами. Это были последние защитники Навальперала, покинувшие его вчера. Штаб, заседавший всю ночь, решил, что неизбежна эвакуация и Лас-Наваса. Предстояло не просто отступление, а занятие выгодной высоты в четырех километрах отсюда, где и нужно было укрепиться. Луканди же хотелось оставить Лас-Навас, он считал неправильным этот шаг. Он доказывал с железной логикой:

— Мы расставляем западню, в которую сами можем угодить.

Под конец долгих споров Луканди сказал:

— Можно укрепиться, когда есть оружие и припасы.

Выдержать будущие атаки на новой высоте можно было лишь с достаточным вооружением. У нас его не было. Вот почему предложенный Луканди план показался и увлекательным и безумным. Но в нем была жизненная сила и проницательность нашего командира. Он предлагал с виду очень простой выход: вооружиться оружием врага. На горе Серра Картахена небольшие людские силы противника оберегают большие боезапасы. Луканди развернул план, продуманный до мельчайших подробностей. Двести человек нападают под покровом ночи на посты противника на Серра Картахена и уносят вооружение. Нападение идет с двух сторон. Выступают бойцы четвертого батальона и батальона Карлоса.

— Достигаются две цели, — наставляет на своем плане Луканди: — вооружаем себя и обезвреживаем высоту Серра Картахена.

Противников этого плана было много, и, после того как все они высказались, Луканди вместо ответа кратко пообещал всем собравшимся:

— Я даю вам слово коммуниста и воина республики, что, если нам разрешат атаковать врага, мы разбогатеем этой же ночью.

Представитель военного министерства, присутствовавший на этом заседании командного состава полка, согласился наконец с доводами Луканди, и командир полка товарищ Маркос предложил готовиться к атаке высоты Серра Картахена.

Итак, решено: выступают два батальона — второй и четвертый. По сто человек от каждого. Наша сотня идет под командой Луканди, остальными командуют капитан Карлос, рабочий-строитель Мадрида, и совсем молодой лейтенант Колорадо, студент строительного факультета. Мы на исходном положении. Наши батальоны далеко друг от друга, и невидимые нити телефонных проводов соединяют их.

— Сверить часы с Карлосом, — говорит сухо и точно Луканди.

Попэй передает мне трубку полевого аппарата.

— Колорадо у телефона.

— Сверим часы, товарищ лейтенант.

— Ровно двенадцать на моих.

— Передаю вам час и минуты обусловленного выступления — 24 часа 02 минуты.

По батальону — приказ: ни одного звука, ни одной панносы. Наша сотня разбивается на пять групп, и мы выступаем. Попржежнему, не переставая, валит липкий снег. Мы идем и инстинктивно угадываем, где в этой черной ночи нас подстерегает кочка, где камень. Мы стараемся мягко перепрыгивать через препятствие, до боли напрягая зрение. Никаких голосов, ничьей команды. Мы идем в тишине. Моя маленькая группа в двадцать человек останавливается. Вот здесь, где, кажется, ничего нельзя различить, кроме земли под ногами, ровно в час ночи должна состояться наша встреча с Колорадо. В это же время в разных пунктах произошло пять таких же встреч. Пять групп по сорок бойцов. Мы крадемся в темноте. Уже не так легко прыгать через камни. Начался подъем на Серра Картахена. Первым идет Луканди неподражаемой походкой медведя. Он переваливается с ноги на ногу и, быстро размахивая руками, словно это гимнастическое упражнение — так точны его движения, — увлекает за собой остальных. Невозмутим только Попэй. Он отстает и шепчет Палатиосу, замыкающему колонну:

— Они думают, что я батальонный пес и всегда догонию их.

Ослепительное, короткое сверканье и острый звук винтовочного выстрела напоминают нам, что мы отправились в бой, а не в ночную прогулку. Нас заметили, и выстрелы один за другим наполняют смертельным шипением воздух. Мы бросаемся вперед. Со всех концов мы несемся к вершине. Огненная завеса пулемета в каких-нибудь двадцати метрах от нас. Ползком мы пробираемся в тыл и бесшумно набрасываемся на двух пулеметчиков, беспорядочно и щедро расстреливающих ленты. Мы поворачиваем «гочки» и обрушиваем огонь по маленькому домику — сияющим окнам казармы. Луканди и не предполагал, что так скоро удастся воспользоваться оружием врага. Нам нельзя задерживаться здесь. В десяти километрах отсюда стоит целый полк врага. Скорее захватить оружие — и вниз. Семь пулеметов, пять мортир, около двухсот винтовок, ящик с патронами — все эти трофеи в четверть часа уже уносятся с вершины. Почти весь гарнизон — сорок пять марокканцев и испанцев, — подлив руки, идет в окружении наших бойцов. Это пленные. Тря пушки, которые мы не можем унести, уничтожаются, и грозная высота превращена в мирную горку. Мы еще держим несколько минут под обстрелом дорогу, откуда может прийти подкрепление врагу, и все покидаем вершину Серра Картахена. Быстро сбегает с горы. Наш Колорадо вдруг останавливается и ширит по земле.

Военный народный армии поднимает красное знамя на вершине горы в Сиерра
Гвадаррама после захвата ее правительственными войсками.

— Потерял очки, — растерянно бормочет он.

Мы не можем задержаться ни на секунду и торопим нашего друга. Струя истребительного пулеметного огня проносится над нами. Мы тащим Колорадо за собой и догоняем ушедших вперед. Часто спотыкаюсь, мы падаем и, поднимаясь, бежим дальше. Сейчас только одна цель — притти в Лас-Навас без потерь и с драгоценным грузом. Рядом с нами кто-то тяжело падает.

— Карлос! — зовет Колорадо.

Упавший молчит.

— Карлос! — испуганно оживаем мы и останавливаемся.

Луканди нагибается и беспомощно лепечет:

— Нет, не может быть... Не может быть...

Эта смерть неожиданна и трагична. Колорадо плачет, как ребенок. Мы поднимаем Карлоса, уже беззвучного, сраженного шальной пулей, и несем его до самого Лас-Наваса.

Вся наша стремительная, победоносная атака теперь кажется вам траурной процессией. Пять командиров — Луканди, Колорадо, Дельбаль, мой брат и я — последними входим в Лас-Навас, замыкая печальное шествие, подняв на руках тело Карлоса.

Уже светает, и перед штабом выстроившись, как на параде, мортиры и пулеметы, унесенные с Серра Картахена. Мы проходим мимо трофея, и Маркос, бледный, но спокойный, идет к нам навстречу, и голос его полон горечи:

— Поздравляю с победой, Луканди, — и он жмет руку нашему командиру.

Потом он поворачивается и громко начинает:

— Товарищи бойцы! Вечная память герою-пролетарию, капитану Карлосу.

БАТАЛЬОН ФЕРНАНДО ДЕ РОССА

Сегодня мы провожаем Дельбаль. Хозе Касорла, начальнику республиканской милиции, нужны командиры — участники боев — для формирования новых частей. Наш полк должен дать пять лейтенантов и немедленно отправить их в Мадрид в распоряжение штаба. Маркос огорчен:

— За все это время мы не получили ни одного нового человека, и от нас еще требуют отдать пятерых.

В этой пятерке и я. Луканди не хочет расставаться со мной и Луисом. Он отводит меня в сторону и недоуменно спрашивает:

— Откуда Касорла знает ваши имена? В списке так и сказано: «Из четвертого батальона откомандировать Луиса Дельбаль и Рамона Диэстро». Может быть, вы сами этого хотите? Тогда расскажите, чем вы недовольны.

Милый «глухарь», я огорчен не меньше твоего. Разве согласишься хотя бы один из твоих бойцов покинуть тебя добровольно?

Юный воин республики.

Но приказ есть приказ — ведь так ты нам повторял не раз, — придется подчиниться.

Я молчу и всю эту речь произношу про себя. Тягостная пауза нарушена Луканди.

— Значит, я прав, — горько произносит он. — Вы сами просили штаб перевести вас отсюда.

— Никогда мы никого не просили, — стараюсь я убедить капитана. — И выбрали нас только потому, что Касорла вспомнил о старых своих друзьях по союзу молодежи.

Пока идет срочные телефонограммы, всячески отстает вас и добивается наконец временной отмены приказа. Вместо пятерых едет один. Начальник милиции республики, двадцатитрехлетний Касорла, член ЦК союза объединенной социалистической молодежи, требует тотчас же выслать Дельбала.

У штаба выстраивается четвертый батальон. Луканди произносит короткую речь и говорит о горечи расставания с Луисом.

— У вас будет новый командир, — обращается капитан к взводу, которым командовал Дельбаль, — он рядовой боси, смельчак и верный сын республики. Вы его знаете, — загадочно улыбаясь, заключает Луканди.

Бойцы смотрят на своих командиров, словно желая на их лицах прочтуть ответ. Но мы сами еще ничего не знаем, и Фигаруа — наш «Шериф» — недоуменно восклицает:

— Да это же задача с тремя неизвестными — все мы бойцы, все смельчаки и верные сыны республики!

Луканди громче обычного и несколько торжественно объявляет:

— Ты прав, Фигаруа, и давайте все вместе поздравим нашего Панчовидно.

Мы чертовски рады. Панчо смущен и старается протолкнуться в последние ряды, но его требует на середину командир полка, перед всем батальоном зачитывает приказ о назначении и прикрепляет две звездочки к рукаву нашего нового лейтенанта.

Батальон устраивает прощальный обед Дельбалу. Панчо раздобыл где-то три бутылки шампанского, и нам достается по глотку на все многочисленные тосты. Мы желаем удачи нашему другу и просим его сбрызнуть в Мадриде огромную бороду, которую он отрастил за эти месяцы.

— Увидимся ли мы? — говорит мне тихо Луис, усаживаясь в машину. Он очень бледен сегодня.

— Обязательно, — весело отвечаю я. — Ты должен сформировать боевую часть и притти с ней сюда.

Машина скрывается, а мы еще долго провожаем ее взглядами.

Увы! Встреча состоялась раньше, чем мы предполагали. Маркосу позвонили из Мадрида и сообщили, что смертельно ранен бывший лейтенант его полка. Это было на одиннадцатый день после отъезда Дельбала. В сорока километрах от Мадрида —

и Сан-Миртин де Вальделеснас — шли ожесточенные бои, и здесь дрались новая воинская часть республики — батальон имени Фернандо де Росса, которым командовал капитан Луис Дельбаль. Меня вызвал Маркос и сообщил, стараясь смилостивить полученные сведения о нашем друге:

— В госпитале Сан-Карлос лежит Дельбаль. Ничего серьезного, но нужно поехать навестить его. Решили послать вас. Что бы ни случилось, не задерживайтесь и возвращайтесь завтра же.

Вечером я был уже в знакомой университетской клинике Сан-Карлос. Сколько раз я бывал здесь когда-то, ожидая студента медицинского факультета Луиса Дельбаля! Он выбегал в белом халате и всегда извинялся: «Две минуты — и я буду свободен». Теперь я с волнением вхожу в коридор. Вот профессор Оливарес — любимый преподаватель Луиса — идет навстречу. Я останавливаю его:

— Профессор, меня прислали сюда с фронта товарищи вашего ученика Дельбаля. Как он себя чувствует?

Оливарес кладет руку на мое плечо и говорит:

— Поезжайте обратно, друг, вы ничем не поможете, и передайте, что мы с хирургом Кардинаком делаем все возможное.

— Неужели так серьезно?

— Да, очень. Он ранен дважды и уже сутки без сознания.

Я прошу пустить меня к Дельбально. В маленькой комнате он лежит один. Рядом с ним сидит его мать. Еще громче ее плач при виде меня. Она без устали повторяет:

— Посмотри, что они с ним сделали. Посмотри...

Луис лежит с закрытыми глазами. Луис ли это? Я не вижу ничего, кроме носа и глаз. Вся голова забинтована. Знаменитый медик Кардинак входит в комнату. Я оставляю друга, которому ничем не могу быть полезен. Рядом палата легко раненных. Я вхожу туда.

— Есть здесь кто-нибудь из батальона Фернандо де Росса?

Десятки людей отвечают мне утвердительными возгласами.

— Расскажите, как все это случилось, — обращаюсь я к одному из раненых. — Я товарищ вашего капитана.

— Наш капитан — это герой, — отвечает мне раненый. — Он все бежал под огнем и так громко звал всех нас за ним, что не было ни одного, кто бы не слышал голоса капитана.

Кто-то недовольно обрывает рассказчика:

— Бежать — это просто, когда в тебе не сидят пули, а в нашем капитане уже сидела одна в легком, а другая попала в щеку и вышла у глаза.

Третий боец уверенно роняет:

— Так никто, пожалуй, не побежит, а он все бежал, и мы за ним.

Я благодарю раненых и ухожу. Из клиники я еду в ЦК союза молодежи. Здесь десятки всяких неожиданных и приятных встреч. В одной из комнат, где меня заставили сесть и срочно

написать о героических поступках моих бойцов — членов союза, — я встречаюсь с Касорла.

— Испугался? — говорит он и с неожиданной холодностью протягивает мне руку.

— Когда это я испугался? — недоумеваю я.

— Дней десять назад.

Я стараюсь вспомнить все, связанное с последними боями, и уверенно отвечаю:

— Хозе, это клевета. Я нигде не трусил.

— В бою, может быть, и не трусил, а получив приказ о переводе в новую часть, выключил насиженное место и остался. Что ты здесь делаешь? — поспешно задает вопрос Касорла.

Я рассказываю о поездке к раненому Дельбалью, о страшных его мучениях и моем возвращении завтра в часть.

— Придется остаться, — объявляет Касорла. — Я сообщу в батальон, что ты не вернешься. Завтра, в восемь утра, явишься в штаб, и мы поедem в Сан-Мартин. — И он мне сообщает, что я назначаюсь на место Дельбаля командиром батальона Фернандо де Росса.

...Третий день я живу в мадридских казармах Ла Пардо. Часть, которой я командую, отозвана с фронта. Это небоеспособный батальон, где люди не оправдали высокого звания бойцов республики. Здесь немало деклассированных элементов. Но через две недели мы должны быть готовы к выступлению. Ежедневно девять часов отводятся строевым и стрелковым занятиям. Вечера бойцы проводят за газетой, со своими командирами. Я рассказываю в подразделениях о дружной армейской семье, по которой несканчно скучаю, — четвертом батальоне Луканди. Это заинтересовывает слушателей. Каждый день приходит новички — крестьяне, студенты. Нам должно быть всего семьсот человек. Тогда часть будет уже укомплектована! Ежедневно я выкраиваю час и просиживаю у постели Дельбаля. Он на пути к выздоровлению.

— Вырвали у смерти, — с серьезным видом говорит профессор Оливарес, — буквально вернули с того света.

Луис еще не говорит. Пуля задела язык, и Дельбаль не может правильно произнести ни одного слова.

«Несчастный! — пишет он мне, когда узнает, что я назначен на его место. — Запомни, что нет ничего лучше нашего батальона».

— Не так уж безнадежно, — отвечаю я ему. — Мы приготовим сюрприз к твоему выздоровлению и сделаем батальон ударным.

Он слушает меня и пишет на клочке бумаги: «Желаю удачи».

Скоро нас будет семьсот. Куда нас пошлют? Что мы будем оборонять? С кем нам предстоят первые встречи? Танки появились на фронтах. О них много пишут и говорят. Быстроходные итальянские танкетки и грузные, но могучие бронированные крепости немцев причиняют много неприятностей республиканцам,

не привыкли еще к борьбе с новым противником. Может быть, и вам, по примеру астурийских горников, стать динамитчиками? Уже увлекаясь, мы строим скалочные планы с командиром Каминсом.

— Ни у кого нет таких возможностей, как у нас, — говорит он, — ведь остается целых шесть дней на подготовку.

Мы составляем календарь «боевой подготовки» отряда гранатометчиков¹ и направляемся к Касорла. Он нас слушает внимательно, но внешне как будто равнодушен.

— Бойцы будут счастливы, если узнают, что им доверают такое новое дело, — стараюсь я убедить Касорла.

Нет, не эти доводы заставляют его согласиться.

— Да, это хорошо задумано, — соглашается наконец Касорла, — и главное — истина. Нам нужно вывести из строя сотни танков интервентов и показать им, что безнаказанно они не могут действовать.

Нам дают еще четыре дня для подготовки. В нашем распоряжении теперь десять дней. Мы начинаем учебу. Это тренировка гранатометчиков — новое дело, к которому мы приступаем смело и решительно. Во дворе казармы движется фанерный макет танка. Мы бросаем учебные гранаты, подкладываем связки под его гусеницы, расставляем фугасы на его пути, — словом, всеми средствами готовим гибель врагу.

Совсем недалеко от казарм, за земляными насыпями, гордо переименованными в «паранеты», сотни мадридских школьников играют в войну. У них свои *teniente*, *capitana*, *comandante*, и все они, невзирая на чины, занимались тем же, что и «рядовые бойцы», — метали камни. Наиболее удачных своих стрелков они выпускали тогда, когда мимо проходил кто-нибудь из командиров отряда гранатометчиков. Тогда они заставляли нас останавливаться хотя бы на минуту и демонстрировали меткость попадания в жестянки на довольно изрядные дистанции.

— Антитанкист, — отрекомендовывался метатель камня, когда мы спрашивали о его имени.

Наш знаменосец — маленький Торес — стал усиленно ходатайствовать за «гражданских» друзей.

— Товарищ капитан, — сказал он мне однажды, — вы знаете, что есть один антитанкист, который лягью гранатами сшибает пять танков!

Так же серьезно, словно речь шла сейчас не о булыжнике и консервных банках, и отвечал ему:

— Передайте вашему Карраско², что мы убедительно просим его уступить нам фронт Ла Пардо, а самому отправиться в школу, где он давно уже не был.

¹ Карраско — популярный герой республиканской Испании, видный работник объединенного союза молодежи, сбивший десятки танков противника руками гранат. Карраско недавно погиб при автомобильной катастрофе.

У самих ворот Ла Пардо гранатометчики демонстрировали нам свое искусство.

Неудачный вербовщик и ходатай с грустным видом отошел в сторону.

Каждому из наших бойцов ясна теперь цель, ради которой он кропотливо проделявает все, что ему приказывают его командиры. Мы увешаны гранатами, — это основное наше оружие. Свистком отдаются приказы. Три коротких свистка — и излетает граната навстречу врагу. Касорла привозит нам отбитый у противника танк, и мы потрошим его на части. Гранатометчик должен знать все сильные и слабые стороны бронированного своего врага. Мы так увлечены новой нашей профессией, что требуем раньше срока отправки на фронт.

— Пора разрядить наши гранаты, товарищ капитан, — говорит мне боец Гордильо, немолодой уже крестьянин, — довольно пугать только Каталана.

Каталан — восемнадцатилетний юноша, считавшийся самым дисциплинированным в батальоне, — «водитель танка». Он восседает за фанерной броней и педалями приводит в движение макет. Каталан был типичным тунусцем.

— Как хорошо сидеть где-нибудь в тени, тихо напевать и думать, что ты творишь сейчас самое замечательное из всех земных дел — ничего не делаешь, — мечтательно говорил он.

Этот лентяй из лентяев сбежал даже на несколько дней из казарм, и, когда его доставили обратно, мы решили в назидание другим бездельникам устроить над ним показательный суд.

— Мы будем вас судить за дезертирство, — объявил я Каталану. — Вы имеете право выбрать себе защитника, если хотите.

Он быстро нашелся и ответил:

— Спасибо за это право, я выбираю тебя.

Со всеми он говорил на «ты», был груб, но весел, добровольно пришел служить в армию, кичился своими скитаниями по белу свету и при всех своих недостатках казался мне способным парнем.

— Ладно, я буду твоим защитником, — перешел и я на «ты» с моим подсудным бойцом.

Целый вечер у нас был пожертвован первому батальонному процессу. Каминос — студент правового факультета — получил возможность практики в условиях войны и выступил обвинителем. Он требовал года тюрьмы «презренному дезертиру». Я просил смягчить участь Каталана и обещал от имени моего подзащитного, что он покажет «чудеса храбрости в грядущих боях».

Все бойцы присутствовали на этом суде и горячо обсуждали поступок Каталана. Большинство поддерживало прокурора, но мы оправдали дезертира, и теперь он на фанерном танке без усталости педалит, готовясь к генеральному смотру батальона перед отправкой на фронт.

— Скоро разрядим, — успокаиваю я Гордильо, — очень скоро.

К нам приезжают Миаха, Пасионария, Касорла, и мы ярост-

Паснованин выступлет на митинге бойцов.

но бомбим взрывчатыми пакетами разнообразные мишени, расставленные на огромном дворе казармы. Невообразимая дымовая завеса окутывает Ла Пардо. Мы бросаемся из-за прикрытий и посылаем проклятия воображаемому врагу, забрасывая его гранатами.

Эксламен выдержан. Бойцы довольны, но я их должен огорчить:

— Легко бомбить по Каталану за фанерой, другое дело — по немцу и итальянцу за настоящей броней.

— Не испугаемся! — кричат мне возбужденные окончанием учебы гранатометчики.

— Обязательно струсите, — настаиваю я и рассказываю изумленным моим подчиненным, каким трусом был их капитан Диэстро в первом своем сражении. Они смущены и не знают, верить этому или нет. И словами Фелисе Луканди я говорю им, что храбр только тот, кто сумел побороть в себе трусость.

— Тогда поборем, — соглашается кто-то, и все смеются.

Ночью я сажусь за письмо к Луканди и признаюсь ему, как в эти дни я впервые почувствовал, что прошел какую-то большую и умную школу в моей жизни.

«Эта школа — ваш батальон, дорогой Фелисе. Желаю вам счастья и побед. Пожелайте мне того же и, если у вас будут и впредь просить «командиров взаимы», отпускайте их. Мне кажется, что ученики вашей школы сумеют принести пользу родине».

ГРАНАТОМЕТЧИКИ ИДУТ В БОЙ

Мы называемся гранатометчиками. Это — официальное название нашей части: так написано на нашем знамени, которое несет на высоком древке наш маленький Торес. Ему столько же, сколько и Гафосу, — пятнадцать лет. Но этот никогда не трусит. Он у нас самый храбрый и поэтому общий любимчик.

— Одного прекрасного пулеметчика звали тоже Торес, только он был втрое больше тебя, и мы придумали ему прозвище — «черный». Это за цвет кожи, — рассказываю я нашему знаменосцу о человеке, который заставил меня побороть в себе трусость.

На знамени вышито: «Имени итальянского антифашиста Фернандо де Росса ударный батальон гранатометчиков».

Это же можно прочесть и на каждом из нас, — все мы обвешаны гранатами.

Мы подчиняемся Комитету обороны Мадрида и днем и ночью по его вызову и приказу мчимся туда, где наиболее коварен враг, где ползут колонны танков, где много неожиданностей и риска и где нужно остановить и уничтожить противника.

Холодная февральская ночь. В казарме Ла Пардо потушены огни. Не спят только дежурный по части и караул.

Сегодня на календаре цифра 21. В этот день, ровно семь месяцев назад, я должен был отбыть в Англию на работу в представителстве республиканской Испании. Но «дипломат» стал бойцом, и все мои встречи со «знатными» иностранцами происходит не на приемах и аудиенциях, не на шумных банкетах и столицах мира, а на центральном фронте Мадрида. Иностранцы, с которыми я имею дело, — это итапо-германский экспедиционный корпус. Этой встрече быть и сегодня. Недаром меня будит часовая:

— Товарищ капитан, срочно к телефону.

Я слышу знакомый голос. У телефона один из видных военных работников штаба обороны Мадрида.

— Да, я вас слушаю. Немедленно прибуду в штаб.

Через несколько минут я в штабе генерала Миаха, где никогда не спят.

Здесь, склонившись над картами, готовят военные задания частям, отсюда идут в бой тысячи людей, невидимо управляют нами на полях сражений, шлюют подкрепления и предупреждают скрыты. Здесь, где круглосуточно кипит жизнь, где ночь никогда не расслабляет лихорадочного напряжения дня, царит тишина. И только легкая треск и сухое пощелкивание аппаратов связи говорят о том, что тишина здесь обманчива.

Высокий военный встречает меня приветливо и рассказывает серьезно и строго о нашей задаче.

— Выполняется большой план, задуманный командованием. Очень большой. И пусть не покажется вам в минуту непреодолимой трудности, что вы одиноки, — предупреждает меня штабист, — мы помним о каждом из вас.

Приказ короток. Теперь час ночи, и нас ждут грузовики. Мы должны мчаться в деревню Парла. Там нам вручат дальнейший план. Мы грузимся и в три часа ночи прибываем в деревню. Начальник фронта — полковник — ждет нас уже в штабе. Задание очень ясное. Нужно занять городок Торрехон, в десяти километрах от деревни Парла, и здесь хотя бы несколько часов сдерживать противника. Если это нам удастся — ценой каких угодно жертв, — мы завершим большой план командования и будем содействовать успеху, который ждет республиканские части на этом фронте.

Я рассказываю своим бойцам о плане наступления. Мы будем атаковать бомбами, двумя пулеметами, автоматическим оружием и единственной mortирой. Нас обещают поддержать бронепоезд.

В пять часов утра — таков приказ — мы должны пойти в атаку. Меня еще раз предупреждают в штабе, что ни на кого надеяться и не должен, что семьсот человек — это все, что может дать сегодня республика для взятия Торрехона.

— Да здравствует республика! — отвечаем мы начальнику фронта.

...От деревни Парла до Торрехона десять километров. Боль-

Генерал Миаха — руководитель героической защиты Мадрида.

ше половины этого расстояния мы идем убыстренным шагом, а в четырех километрах от Торрехона за прикрытиями — большими камнями — ложатся бойцы ударного батальона гранатометчиков. Без четверти пять вдали вырастают в бинокле семь танков. Они идут упругой своей походкой, раскачиваясь на тяжелых гусеницах, как на волне, неиссякаемые в своей энергии. Неужели они знают о нашем пребывании здесь? А может быть, это только танковая разведка? Нет, им все известно о нас. Иначе этот ведущий танк — непонятный еще своей новизной — не топ-

Это сбитый республиканцами итальянский танк на фронте Гвадаррамы.

тал бы одинокие деревья. Так хочет запугать нас враг. Вот танки исчезли, на мгновение погрузившись в заснеженные овраги, и снова всплыли. Они кажутся черными на белом фоне снега. Мы лежим, спокойно выжидая, когда они переступят заветную черту, где гранаты ударного батальона остановят их навсегда.

— Не стрелять, — предупреждаю я по цепи бойцов, — не стрелять ни в коем случае!

Команда повторяется моими командирами.

— Стрелять, когда услышите три свистка!

Свисток у меня во рту. Приближается громкий прибор — это гул моторов, он все ближе и ближе. В узкие щели танка нас заметили водители и пулеметчики. Уже ложатся пули вокруг нас. Уже вздымаются вверх колючие осколки камней. Только бы не пропустить этого точного и строгого чувства времени гранатометчика — секунду бомбежки. Четыре танка идут на нас. Остальные остановились за далеким еще оврагом. Каталан лежит рядом со мной.

— Как ты думаешь, капитан, — говорит он с серьезным видом, — намного ли они быстрее моего фанерного ящика?

Развивая страшную скорость, танки мчатся по гладкому полю, приминая камни. Пора свистеть. Все силы я отдаю сейчас, чтобы свисток был резким, чтобы все мои друзья, лежащие сейчас за прикрытием камней, бросили в эти четыре танка приготовленные гранаты. При первом свистке мы рвем зубами ленточку на гранате. При втором граната уже в левой руке, а третий свисток совпадает с рывком. Правая рука посылает ручную бомбу на тридцать метров. Да, расчет правильный!

— Макаронни¹, что же ты остановился? — кричит Гордильо.

— Да проползи-ка еще метр, ну что тебе стоит, — измывает-

¹ Макаронни — презрительная кличка итальянских интервентов.

ся Каталани, и все мои бойцы поднимаются из-за прикрытий и начинают приплясывать, смеяться, кричать, обнимать друг друга на виду у истерзанных стальных бастионов.

— На места! — подаю я команду. — Лечь немедленно!

Как ни хорошо шла италяница, а вот в одну секунду нет уже ни скорости, ни смертоносного огня, и у любого новичка исчезает страх перед грозной машиной.

Теперь ни секунды промедления. Мы видим, куда умчались те три танка. Они зовут в бой, они принесли точные сведения о нас. Вот почему нас не занимают разбитые четыре машины, и, согнувшись, почти совсем припав к земле, короткими рывками мы идем вперед. Пять метров — и остановка, пять метров — и остановка. Уже слышны первые артиллерийские залпы.

— Ура нашему бронепоезду! — кричим мы и несемся вперед. Вот и враг. Но уже не за броней танков, а такой же, как мы, ничем не защищенный.

Мортиры противника бьют прямой наводкой. Мы по форме различаем марокканцев, по росту — немцев и италянцев. Нам нужно подойти ближе.

Мы не можем прятаться за этим холмом. Я, кажется, угадываю желание бойцов остановиться хотя бы на секунду здесь.

— Вот там, только в километре от Торрехона! — кричу я и указываю вперед.

Бойцы видят, где ждет их кажущееся отсюда спасительным прикрытием. Это — маленький бугорок, где мы должны все разместиться.

Последний рывок. Какие-нибудь сто метров. Ни одному спринтеру в мире не догнать нас сейчас. Последнее прикрытие — больше их не будет. Тишина. Мы не стреляем. Только топот ног и дыхание соседа. Враг тоже мчится к этим спасительным бугоркам. Кто раньше окажется там? Мы падаем у самой цели. Тридцать-сорок метров всего осталось противнику, чтобы добежать.

— Огонь, друзья!

Мы расстреливаем в упор патронами и гранатами. Ни секунды промедления. Нам не нужен уже этот бугор.

Кажется, что проходит целая вечность, а ведь эта вечность — не больше одной минуты. Я поднимаюсь из-за прикрытия со словами нашего гимна «Бандера рожа» («Красное знамя»).

— Вперед, гранатометчики!

Только сейчас я вижу, что нас уже не так много. Нет этих семи сотен, только несколько часов назад спокойно спавших в казармах Мадрида. Но не время вести сейчас страшный подсчет. Мы поем так громко, словно мы все здесь.

— Вперед, друзья!

Уже повернул враг, и наши мишени — теперь согнувшиеся спины. В этой страшной канонаде я различаю слова, сказанные итальянской скороговоркой:

— Не бежать, дьяволы!

После третьего свистка летели гранаты.

Да, нас немного. Это я чувствую тогда, когда огромный снаряд рушится перед нами и в земляной пыли исчезает весь батальон. Но ни на секунду не гаснет песня «Бандера роха».

— Вперед, друзья! — это кричу уже не я один, а все мы вместе.

Как стремительно бежит противник! Мы прыгаем через винтовки, брошенные во время беспорядочного отступления и расставленные, как ловушки, на нашем пути.

Вот и дома Торрехона, улицы, вот я лицом к лицу с огромным — в Испании нет таких высоких мужчин — блондином. И сейчас среди миллионов и мог бы безошибочно указать на него. Страшная боль в плече. Я успеваю выпустить всю длинную очередь из моего автоматического оружия. Высокий немец бежит. Его не нагнала моя пуля. Но он оставил своих друзей у пулемета. Они его уже никогда не нагонят. Мы перепрыгиваем через их тела и мчимся попрежнему с песней, которая не умолкает. Правая рука не повинуется. Я останавливаюсь, и не отстающий от меня ни на шаг Каталан носовым платком стягивает узел.

— Вперед! — успеваю только крикнуть я во время этой короткой остановки.

Мы на центральной площади. В городке с трехтысячным населением никого нет, ни одной живой души. Удержим ли мы хотя бы два часа — ведь так было сказано в штабе деревушки Парла — этот город? Удержим, если снимем с верхушки здешней церкви — в самом центре площади — пулеметное гнездо. С колокольни косят по нашим рядам. Мы залегли и безрезультатно стреляем вверх.

— Нужны четыре добровольца, — говорю я.

Вот когда произвести поверку. Все хотят быть в этой четверке. Но где наши семьсот? Я боюсь считать, но мне кажется, что здесь не больше ста.

— Пойдут вот эти четыре, — отказываю я остальным смельчакам.

Архидасесу, студенту философского факультета Мадридского университета, кузнецу «маленькому Томасу» (так мы звали этого рабочего парня), крестьянину Гордильо и Торесу в разъяснило задание. Пока мы отвлекаем внимание пулеметного гнезда, они должны войти в открытые двери церкви и, поднявшись по лестнице до самой колокольни, взорвать бомбами всю команду пулеметчиков.

Четверка ползком, незамеченной отправляется к церкви — единственному заданию города, где еще сидит враг. Мы продолжаем перестреливаться. Когда же дойдут наши? Почему-то не так уже щедро тратит свои запасы враг. Не заметили ли с колокольни четверку? Но вот минут через пятнадцать мы слышим страшный взрыв, и сверху, с самой колокольни, куски кирпича, обломки стен, пыль — все это сыплется вниз.

— Тише! — пронесится по нашим рядам, и мы ждем. Совсем

звончали пулеметы итапо-германцев. В маленьком окошке колокольни, в завесе пыли, появляется Томас и кричит так громко, что весь Торрехон услышал бы его:

— Друзья, вот и мы!

Уничтожен последний вооруженный пункт в Торрехоне. Мы бежим к колокольне. У семи пулеметов, там, где засели пятнадцать немцев и итальянцев, сейчас совсем тихо. Гордиальо и Томас осторожно спускаются вниз. Они несут маленького Тореса. Он тяжело равен.

— А философ остался там, — горестно сообщает Гордиальо и показывает на колокольню.

Погиб наш герой Архиллес, храбрый боец. Дорого обошлась врагу эта смерть. Все пятнадцать пулеметчиков — немцев и итальянцев — пали под бомбами друзей Архиллеса.

— Теперь не сдавать город! Еще только два часа обороны, и мы выполним приказ республики!

Мы занимаем первые дома города по ту сторону. Два бойца мчатся в деревушку Парла — в штаб начальника фронта. Они расскажут о взятии Торрехона и будут просить о помощи. Через час двадцать минут возвращается один из наших посыльных.

— Начальник фронта поздравляет с победой, — говорит он мне, — и просит сообщить, что помощи не будет. Послать некого.

Два часа мы выдерживаем контратаку. Каждый домик — это форт. Мы покидаем его только тогда, когда разрушены уже стены и не остается надежных прикрытий. Так, оставая один дом, мы переходим в другой, теснимые врагом, хорошо вооруженным и многочисленным. И когда в витовках не остается ни одного патрона и у бойцов — ни одной гранаты, мы прощаемся с Торрехоном. За эти несколько часов там, где это нужно было, шла перегруппировка сил, подтягивались части, и мы, батальон гранатометчиков, держали врага. Возвращались той же дорогой. Мы видели наших товарищей. Они безмолвно лежали, погибшие бойцы-динамитчики, солдаты революции.

— Живых только тридцать шесть, товарищ капитан, — шепчет Катаван.

Я вспоминаю Луканди. Он говорил когда-то, что нас немало уже погибших, но живых нас больше. Нет, не о батальоне гранатометчиков думал Луканди. От нас не осталось и взвода. Мы молча идем, не останавливаясь ни на минуту. Вот и Парла скоро, штаб, там нас ждут.

— Смирно! — тихо обращаюсь я к бойцам. — Направо равняйся!

Неужели это все, что осталось от части Фернандо де Росса? Маленький Торес сидит на спине у Гордиальо. Он не может зодить. Пуля пробила ногу.

— Мы никогда не забудем наших друзей, их пало шестьсот шестьдесят четыре за Торрехон и республику.

Все плачут. Туман застилает глаза, и хочется вместе со всеми громко рыдать.

— Пойдем дальше, товарищи!

Кровь течет из раны, и в голове шум, как будто где-то непрерывно гудит. Я иду впереди и вижу, как товарищи сбавляют шаг, чтобы не обогнать меня. Ноги совсем непослушны, и я медленно валюсь с ног, проваливаясь куда-то...

Меня несут два товарища. Я уже очулся. Войцы останавливаются. Впереди стоящий вдруг падает, не успев даже вскрикнуть. Шальная пуля попала ему в затылок, и он уже мертв. Это последняя жертва у гранатометчиков в тот памятный день.

Мы выстраиваемся у штаба, и я рапортую начальнику фронта:

— Батальон гранатометчиков прибыл в ваше распоряжение, выполнив задние республике.

— Это потрясающе! — обнимает каждого из нас начальник фронта. — Это небывалое событие.

Потом он подходит ко мне и неузнаваемым голосом произносит,

— Вас было семьсот?

— Так точно.

— Осталось?

— Тридцать пять.

Нас на машинах увозят в Мадрид. Здоровых в Ла Пардо, раненых по госпиталям. Уже было темно, когда мы остановились у знакомой вывески госпиталя «Офтальмико». Через несколько минут я вижу снова Хулио.

— Опять к нам? — сокрушается она и угрожающе машет мне пальцем. — Неужели во всех тех книжках вы не могли вычитать, как избежать врачей и сестер?

Сегодня весь знакомый персонал суетится не так, как когда-то, в первый мой приезд сюда.

— Только не резать, — предупреждаю я хирурга. — Мне еще нужно драться, доктор, а без правой руки меня отправят к вам читать газет.

Он улыбается и обещает. Но мне нетрудно прочесть в глазах старого хирурга, что мольбы мои напрасны, а рука безнадежна. Ночью, когда меня уносят на переливание крови, дежурный врач показывает пакет из штаба Миаха. Пакет на мое имя. Врач вскрывает конверт и читает простуженным голосом о том, что приказом военного министра капитан батальона гранатометчиков Рамон Диэстро, двадцати двух лет, произведен в майоры.

* * *

«Дорогой профессор Бурденко! Совсем недавно я лежал в другой клинике, далеко-далеко от Москвы — в Мадриде. Меня привезли туда друзья — бойцы республиканской армии — с фронта Торрехона. Тысячи хирургов день и

ночь стараются вырвать у смерти сынов своего народа, сами ежеминутно рискуя под снарядами интервентов умереть у постелей своих больных. Я очень плохо помню, как меня доставили в клинику. К тому времени я был уже почти без сознания от потери крови. Но очнулся я, должно быть, во-время. Я услышал, что мне хотят отнять правую руку — говорили, что ампутация неизбежна.

Когда у нас были неудачи на фронтах, мы говорили, подбадривая друг друга: «А ведь победил советский народ армии четырнадцати стран интервентов. Должны победить и мы». В госпитале я сказал самому себе, что если и существует в мире наука, которая может спасти меня, то адрес ее только один — СССР. В Мадриде я впервые услышал, что есть на свете такой хирург, и фамилия его Бурденко. Я приехал сюда и счастлив, что не ошибся в этом адресе. И все мои друзья будут рады и горды, что не кто иной, а только советский ученый вернул мне возможность пожать их руки и сжать кулак для боевого салюта. Но самое основное — это то, что рука гранатометчика опять пошлет проклятие и смерть врагу. А когда мы сметем всех интервентов и пернемся к мирному труду и я займусь тем, чему научил меня овенный теперь славой многострадаальный Мадридский университет, я не забуду вас, товарищ профессор Бурденко, потому что пальцы моей правой руки будут держать перо.

*Ваш РАМОН ДИЭСТРО,
командир ударного батальона
гранатометчиков центрального фронта.*

22 марта 1937 г., Москва,
Нейрохирургический институт.

СУДЬБА ДРУЗЕЙ

В феврале я оставил Мадрид, и с тех пор вся моя связь с далекими друзьями — это письма.

Луканди теперь командует целой дивизией — 14-й, на Гвадалахаре. Из всех старых бойцов и командиров, которые служили вместе с ним в четвертом батальоне полка, не осталось никого, кроме Хозе Костаньедо — старого товарища по университету. Луканди дважды назначался в разные части и с горечью расставался с друзьями. В Москве я получил письмо от моей сестры, которое меня страшно опечалило. Сестра писала:

«Твой друг-капитан погиб в бою. Он пробирался со связкой гранат к окопу врага, и там его настигла смерть».

Сестра не указывала фамилии, и я подумал, что речь шла о Фелисе Луканди. У меня не было больше друзей-капитанов.

«Если не пройдут! Фашизм хочет завоевать Мадрид. Мадрид будет могилкой фашизма». Плакат-транспарант на улице Мадрида.

Рамон Диэстро в Москве, в Парке культуры и отдыха им. Горького.

В тот же день я отправил письмо своим родным в Мадрид и просил мне срочно ответить и рассказать о всех подробностях гибели моего большого друга. Несколько дней назад я получил ответ. Он меня потряс не меньше. Капитан, о котором писала сестра, это не Луканди, а Панчовидио. За время моего отсутствия он стал уже капитаном и погиб за Лас-Навасом. Ночью он ползком добирался к траншеям врага, взяв с собой целую связку ручных гранат. Он точно определил еще засветло расположение гнезда вражеских пулеметов. Панчовидио не хотел, чтобы кто-нибудь из бойцов рисковал вместе с ним. Он пошел один. Бойцы долго ждали возвращения своего командира. Наконец они услышали оглушающий взрыв и после этого несколько одиноких выстрелов. Панчовидио успел бросить свою связку, но был убит наповал врагами. Видя, что Панчовидио долго не возвращается, бойцы пошли к окопам противника и под огнем принесли тело своего капитана. Панчовидио хоронили в Мадриде.

Наш старый знакомый — артиллерист Салинас — теперь начальник артиллерийского училища. Совсем недавно Салинас командовал одним только орудием, а все его помощники были профессорами математики Мадридского университета, — ведь никто из нас тогда ничего не смыслил в артиллерии, — а сейчас Салинас уже в чине генерала, и его школа выпускает сотни метких орудийных стрелков для армии республики.

Круглолицый Попэй — уже лейтенант и дерется на фронте Харамы. Мне прислали дивизионную газету, где много рассказы-

вается о храбрости нашего друга. Он пятнадцать дней вместе с маленьким подразделением, которым командовал, удерживал важный стратегический пункт, не отступая ни на шаг, несмотря на то, что у врага было во много раз больше сил и оружия.

Как преобразовала война друга детства, Франциско Уренья! Кажется, совсем недавно мы приходили на стадион, где играл в футбольной команде Попэй, и весело смеялись, когда наш друг, пугаясь мяча, приседал и шаркался в сторону. А теперь он храбрец, о котором пишут.

Наш «глухарь», такой же черный и худой, перестал уже кашлять. Целительный воздух Гвадаррамы помог Луканди, несмотря на всю тяжесть армейской жизни. Луканди ждет появления сына, и Альберто мне пишет, что Луканди придумал ему уже имя. Маленький Луканди будет называться Динамито. Фелисе в письме к моему брату объяснял, почему это имя он считает наиболее удачным: «Он должен будет всегда помнить, в какое время появился на свет». Луканди сообщает Альберто, что стал даже слышать «Я начинаю уже различать, — шутя пишет он, — калибр снаряда по полету и надеюсь, что скоро услышу даже свист пули».

Брата я не видел с тех пор, как покинул Лас-Навас. Получив назначение в отряд граватометчиков имени Фернандо де Росса, и больше не возвращаясь в четвертый батальон. И можно представить себе мою радость, когда в Москве, в Музее революции, на выставке, посвященной Испании, я увидел портрет Альберто в военной форме! Так произошла моя встреча с братом. Мы часто пишем друг другу письма, и последнее его письмо было со штампом Бриуэги.

«О Бриуэге ты, должно быть, все знаешь, — пишет Альберто, — и радуешься вместе с нами. Погода была чертовская в те дни. Мы были по колено в грязи, и мокрым снегом нас буквально засыпал. А тут еще сотни танков и тяжелых орудий, которые напустил на нас противник. Но «макароны» поднимают руки вверх и бросают оружие с удивительной дисциплинированностью. Это делается словно по команде. Стоит поднять одному руки, чтобы к нему немедленно присоединились десятки таких же «воинственных» солдат. Было противно смотреть, как они падали на землю, валяясь у наших ног и умоляя: «Справедливые красные, даруйте нам жизнь!» Они говорили, унижаясь до последней степени: «Мы знаем, что один испанец стоит пяти итальянцев».

После Бриуэги брат пять дней отдыхал в Мадриде. Хотя трудно назвать отдыхом тот же фронт, те же снаряды, рвущиеся рядом, но не у тропицы, а на улице. Брат был одним из первых, вошедших в Бриуэгу с передовыми частями II-й дивизии Листера, и в списке награжденных его имя значится первым.

«Рамон, берегись, — пишет он мне, — я тебя нагоню. Приказом военного министерства я уже произведен в капитана и награжден орденом Большого Мадрида».

Луис Дельбаль, оправившись после тяжелого ранения, служит в пограничных частях. Дельбаль успел до перевода в другую часть — после того, как выписался из госпиталя Сан-Карлос, — повидаться с Лукянди, и говорит, что чуть не вслакнул, прощаясь с друзьями по четвертому батальону. Лукянди обещал Дельбалью бросить курить и просил, чтобы мы забыли о жанке «глухарь».

Хулия Палитнос тоже участвовала в боях за Бригуэгу и была ранена в ногу. Хулио Ромео, отличившийся в дни победы над итальянским экспедиционным корпусом, получил серьезное ранение в руку. Оба — прекрасные регбисты и участники интернациональных встреч. Они не унывают и с веселым видом успокаивают друг друга, что после победы республики они сколотят неплохую команду и «покажут класс игры».

Ринсены и Диего де Месса и Аорелно Ромео. С ними вместе в ковиал университет. Аорелно пишет мне, что, решив не отставать от меня, и он с Диего получили такие же ранения.

«Вот видишь, что значит дружба!» — шутя восклицает Аорелно.

Но Аорелно ранен не только в руку. Осколки шрапнели повредили ему и глаза, и он сейчас не может, к сожалению, сражаться на фронте. Недавно я послал Аорелно утешительное письмо:

«Ты будешь чудесно видеть. Ведь помнишь, когда никто уже не решался мне помочь — так безнадежно было мое положение после ранения, — меня спас советский ученый. Мы вылечим здесь и тебя».

В письмах моих друзей все желают мне скорейшего выздоровления и ждут моего возвращения на родину. Я надеюсь, что мы скоро увидимся и вместе будем праздновать победу над врагом.

